

ДА ЖЕ
БОГИ
МОГУТ ОШИБАТЬСЯ

АЛЬБЕРТ ДИВНЫЙ

Альберт Дивный

Даже боги могут ошибаться

«Автор»

2026

Дивный А.

Даже боги могут ошибаться / А. Дивный — «Автор», 2026

Август Горин никогда не мечтал о великих свершениях. У него обычная жизнь: случайные заработки, редкие встречи с друзьями. Он знакомится с яркой, амбициозной девушкой, которая верит в него больше, чем он сам. Она устраивает его техником в строящийся небоскрёб «Авангард Тауэр» — футуристическое здание, которому предстоит стать новым символом города. С первого дня на стройке что-то идёт не так. Запах в подвале, который никто не может объяснить. Странные сбои техники. Скрытая от посторонних глаз фальшстена. А главное — слухи о предыдущем технике, который погиб при загадочных обстоятельствах, и чью смерть руководство поспешило замять. Август начинает собственное расследование — и чем глубже он копает, тем яснее понимает: в этом здании есть что-то, что не предназначено для человеческих глаз. Теперь Августу предстоит решить, как далеко он готов зайти. Потому что тайна «Авангард Тауэр» опаснее, чем он мог предположить. И она уже начинает прорастать в его сны, в его мысли, в его память.

© Дивный А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	13
Глава 4	21
Глава 5	31
Глава 6	36
Глава 7	42
Глава 8	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Альберт Дивный

Даже боги могут ошибаться

Глава 1

Тьма. Абсолютная, всепоглощающая. Кажется, сам воздух пропитан ею. Я ничего не вижу, ничего не слышу — словно и не существую вовсе.

Я сижу на холодной земле, и в голове стучит одна мысль: «Зря я сюда прыгнул». Впрочем, когда за тобой гонятся, выбора особо и нет.

Мёртвая тишина и непроглядный мрак давят на нервы. Наверное, нечто подобное испытывают в камере сенсорной депривации. Лежишь, ничего не отвлекает, мозгу не за что зацепиться, и он постепенно замирает. Идеальный способ расслабиться, казалось бы.

Вот только у меня не получается. Спину и копчик ломит от падения. Обе ладони стёсаны в кровь — результат тщетной попытки замедлить стремительный спуск в эту бездну. А главное — мысли скачут, как обезумевшие, в попытке понять, куда же я, чёрт возьми, попал.

Нашупав на лбу фонарь, я нажимаю кнопку.

Луч света пронзает тьму. В нём танцуют мириады пылинок, оседая, словно хлопья снега. Но впереди — ни стен, ни потолка. Пустота.

Я ощупываю поверхность под собой. На коленях, ползком пытаюсь понять, что это. Холодная и пористая, как земля, но при этом идеально гладкая и твёрдая. Стучу по ней — ни звука. Лишь глухая вибрация в костях, будто я в вакууме или... оглох. Сердце сжимается от этой мысли. Такого я точно не ожидал.

С трудом поднимаюсь на ноги. Каждый шаг отзывается болью в копчике, но я упрямо иду вперёд. Медленно продвигаясь, я начинаю различать в свете фонаря идеально круглые очертания коридора.

Куда он ведёт? Я должен это выяснить. Ведь именно к этому я стремился весь последний месяц. Да и пути назад больше нет — я сам его отрезал.

Я иду по коридору, похожему на огромную трубу. Кто-то вложил колоссальные силы, чтобы проложить этот путь, и сделал это безупречно: ни швов, ни следов строителей, ни единого намёка на человеческое присутствие. Похоже, у этого тоннеля была какая-то определённая, очевидная цель. Вот только какая?

Сразу после приземления я ощущал жуткий холод — логично, ведь я под землёй. Но чем глубже я погружаюсь в недра этой трубы, тем отчётливее чувствую тепло. Я поднимаю ладонь, пытаюсь уловить его источник, и вскоре осознаю странную вещь: тепло исходит от самих стен. Система подогрева в гигантском подземном коридоре? Расскажи мне кто-то такое раньше — ни за что бы не поверил. Но тепло явное и постепенно нарастает. Кажется, дело в том, что коридор сужается.

Я подхожу ближе и протягиваю руку, чтобы проверить наверняка, но вдруг замечаю нечто странное. Едва луч фонаря коснулся стен, они начали переливаться слабым янтарным светом. Словно миллионы светлячков, заточённые внутри, рвутся на волю. Жуткое и одновременно завораживающее зрелище.

Я отдёргиваю руку, так и не решившись прикоснуться. Чем бы ни было вызвано это свечение, ничего хорошего оно не сулит. Нужно идти дальше, надеясь, что коридор не станет слишком узким. Раз я видел вход, значит, где-то должен быть и выход.

Я двигаюсь медленно, но мне всё равно становится жарко. Чем дальше я иду, тем труднее дышать. Воздух непривычно спёртый, тяжёлый — словно в гробнице фараона, только что вскрытой после тысячелетнего заточения.

В полной тишине я слышу лишь стук собственного сердца, и с каждым шагом он становится всё громче. Постепенно я начинаю различать, как пульсирует кровь в висках.

Свечение в стенах тем временем нарастает. Впереди, будто живые, полыхают янтарные отсветы. Но стоит выключить фонарь — и всё исчезает. Значит, это всего лишь странная оптическая иллюзия, не более.

За десять минут коридор сузился ещё сильнее. Свечение теперь бьёт прямо в глаза, а сердце колотится так, что готово вырваться из груди. Дышать почти невозможно. Ноги, ставшие ватными, подкашиваются. Я фокусируюсь на собственном хриплом, прерывистом дыхании. Хочется верить, что выход близок, но надежда тает с каждой секундой.

Может, я хожу по кругу? Словно мышь в лабиринте, за которой наблюдает незримый исполин. Сидит снаружи и ждёт, когда я выбьюсь из сил и рухну. Кто-то есть за этими светящимися стенами...

Может, это галлюцинация от нехватки кислорода, но мне кажется, я действительно приближаюсь к выходу. Тусклое свечение стен утасует, уступая место робкому свету в конце тоннеля.

Свет становится всё ярче и уже бьёт по глазам. На фоне крошечной тьмы он кажется слепящим ударом. Я выключаю фонарь — нужно экономить батарейки на случай, если придётся возвращаться. Забавно, но даже в этой трясине отчаяния во мне теплится слабая, почти нелепая надежда.

Чем ближе я подползаю, тем отчётливее в круглом просвете проступают очертания чего-то странного. Сколько ни вглядываюсь, не могу понять, что это. Возникает противоестественное чувство: глаза видят, но мозг отказывается это осознать. Словно для этого объекта не существует названия, а в памяти нет подходящего образа.

Если бы пришлось искать сравнение, я бы назвал это кристаллом, излучающим чистый белый свет. Его поверхность изгибается идеальной спиралью, а сам он заключён в металлический каркас. В отличие от кристалла, вся внешняя конструкция является очевидным инженерным решением: прочный металл, безупречная жёсткость — всё служит одной цели: удержать драгоценное содержимое.

Сердце бешено колотится, по спине струится холодный пот, но я ползу вперёд. Отчасти это инстинкт: из прохода тянет свежим воздухом, и тело само рвётся туда, где можно дышать. Но есть и другая причина — я заморожен. Меня тянет к этой диковине, я жажду рассмотреть её вблизи, в мельчайших деталях.

Я уже почти у выхода из тоннеля, как вдруг чувствую: волосы на теле медленно встают дыбом. Кожа покрывается мурашками, будто её натёрли грубой шерстью. Источник статического электричества очевиден — эта штукавина. В голове проносятся догадки, одна тревожнее другой. Возможно, это результат секретных экспериментов, а объект оставлен здесь случайно. Работает ли он до сих пор? Неясно. Но электрический заряд, пульсирующий внутри, похож на остаточное дыхание угасшей силы.

Это место совсем не похоже на лабораторию, да и вообще на какое-либо помещение. Просто яма, вырытая в земле, словно её единственная цель — расчистить пространство для конструкции в центре. Судя по форме котлована, копали уже вокруг объекта. Но как он тогда сюда попал? Через тоннель? Не мог он здесь пролезть.

Единственный источник света — тот самый кристалл. Я делаю шаг ближе, и статический разряд пронзает меня насквозь. Но что его питает? Ни проводов, ни аппаратуры. Жутко до мурашек.

И запах... Знакомый запах озона и плесени, который и привёл меня сюда. Теперь всё встаёт на свои места: источником была эта штукавина. Она генерирует электричество, которое в результате химических реакций и производит озон.

Но что ещё более странно — здесь нет вентиляции. Учитывая длину тоннеля и скромные размеры полости — метра три в высоту, от силы тридцать квадратов, — как я до сих пор дышу? Откуда здесь воздух? Неужели... эта штука производит и его?

Ничего подобного я прежде не встречал. Сам факт, что это устройство, не подключённое к внешнему источнику, испускает свет, навел на мысль: быть может, оно производит не только свечение, а нечто куда более зловещее. А я стою прямо перед ним, шурясь от слепящей белизны и тщетно пытаюсь разглядеть, что таится в его глубине.

Постепенно до меня доходит: кажется, я увидел достаточно. Это место, как и сам объект, вызывает странное, леденящее чувство, будто здесь навсегда поселилась сама непознаваемость. Пора валить отсюда. Найти другой выход, выбраться наружу. Рассказать всем, кто согласится слушать, и привести сюда людей. Вот только я здесь незваный гость, и, чтобы мне поверили, нужны доказательства.

Я достаю телефон и делаю снимок. Объект идеально входит в кадр — во весь рост, в вертикальном формате. Красота. Убираю телефон в карман, разворачиваюсь, чтобы уйти, и в этот миг замечаю нечто... странное.

Сначала мне кажется, что это лишь вибрация, исходящая от объекта, — быть может, мощная статика, пронизывающая тело... Но колебания нарастают, и, едва я поворачиваюсь к тоннелю, они превращаются в низкий, густой гул.

Меня будто сковывает льдом. Я замираю, не в силах пошевелить и мускулом. Гул нарастает, давит на барабанные перепонки, в ушах сверлит острая боль. Я падаю на колени, обхватив голову руками. Значит, двигаться я всё-таки могу. Но почему не могу уйти? Какая-то незримая, неумолимая сила не отпускает меня. А что, если это объект не хочет меня отпускать?

Я стою на коленях спиной к источнику гула. Овернуться нельзя — лишь по отблескам на стенах тоннеля чувствую, как свечение за спиной наливается ядовитым светом. Гудение вдавливается в виски, в кости, в самое нутро. От него сводит челюсти и подкатывает тошнота. Кричать? Горло сжато беззвучным спазмом. Я морщусь, впинаясь пальцами в холодный пол, пока волны паники леденят тело с головы до пят, будто пронзая миллионом игл. Кажется, это последние минуты. Последние вздохи.

Но острее физической боли — другая. Душевная. В сознании, как на экране, проносится весь путь, что привёл меня сюда. Горькое сожаление о выборе, о проигранной дуэли с судьбой, о том, что не увижу тридцати. И вдруг — рывок, сбой, словно чья-то незримая воля переключает плёнку памяти. Мысли скачут туда, в ту самую точку, с которой всё началось...

Глава 2

Черноволосая Венера поднялась с постели и потянулась. Её движения — гибкие, плавные — вызывали во мне сладостное волнение. Приподнявшись на локте, я решил напоследок насладиться видом: округлые бёдра, упругая линия ягодиц. Обожаю, когда нежность распределена именно так — с правильной концентрацией в нужных местах.

Когда она натягивала кружевные трусики, я вспомнил, как вчера стягивал их с неё зубами. Заметив мой взгляд, она вспыхнула — румянец проступил даже в полутьме комнаты.

— Мне вчера показалось, ты не из стеснительных, — сказал я, растягивая губы в развратной ухмылке.

— Алкоголь многое меняет, — ответила она с таким видом, будто разжёвывает ребёнку прописные истины. — Особенно в таких количествах.

Я откинулся на подушку и лениво потянулся.

— Ну, теперь-то мы уже видели друг друга без прикрас. А ты вдруг подскочила, словно на пожар.

— Просто дел дома по горло. Уборка, готовка... Выходные — два только на бумаге, сам наверняка понимаешь...

Да, кажется, я понимал. Правда, не то, что она думала, что я должен понимать. Кое-что другое. Многие мои прошлые отношения с женщинами неизбежно скатывались в своеобразную зависимость, и чаще всего — зависимость от меня. Поначалу это тешило самолюбие, но со временем становилось невыносимым бременем. Однако Кристина, а именно так звали эту девушку, была совершенно другой. Она знала себе цену. Возможно, именно поэтому она и спешила сейчас домой — не желая выглядеть слишком доступной.

— Да дело не в этом. Я же вижу... Проснулась — такая расслабленная, довольная была... А потом вдруг будто щелчок — и как подменили. Наверное, вспомнила, что негоже приличным девушкам у мужчин ночевать. Особенно после первого свидания.

— Ну вот, значит, ты тоже заметил, — Кристина щёлкнула застёжкой на лифчике и взглянула на меня, слегка вздёрнув бровь. — Что свидание-то всего лишь первое. У меня обычно не так... быстро.

— Почему девушки так смущаются своих желаний? Ну захотелось тебе — что такого?

— Вам, мужикам, проще. Никто плохим словом не обзовёт. Наоборот — похвалят: «Молодец, настоящий мужик!» А женщина, если так себя ведёт, она кто? Правильно, шалава.

— Осуждать за естественное — не по мне. Единственное, что смутило бы в сексе с незнакомкой, — вопрос безопасности. Мало ли что подцепить можно.

Кристина натянула платье и села на пуфик перед зеркалом. Услышав мои слова, она пристально посмотрела на меня в отражении.

— Так и мы вроде медицинскими справками не обменивались, — сказала она тихо. — Тут же просто вопрос доверия, не более.

— Ну так о чём тогда речь? Оба пришли к тому, что если люди знакомы — пусть и недолго, — то секс — это личный выбор. Мы взрослые. Захотелось — получилось.

Кристина бросила на меня быстрый взгляд и отвернулась.

Поначалу, ещё в переписке, я решил, что она охотница за экзотикой. Всё из-за моего имени. Да, вы всё правильно поняли — меня зовут Август. Август Горин. Мой отец, неисправимый романтик, предложил моей маме такое имя, потому что познакомились они именно в этот прекрасный летний месяц. Безумно претенциозно. Но меня ведь никто не спрашивал.

«Август...» — написала она тогда. «Это настоящее имя?»

«Более чем, — ответил я. — Родители постарались».

«А моё тебе ничего не скажет. Обычное».

«Зато ты необычная».

И вот теперь эта необычная девушка размышляла, не совершила ли она ошибку.

— Увидимся в следующую субботу? — спросила она, закончив утренний макияж. — Можем в этот раз у меня. Соседка у парня с ночёвкой.

Отлично. Значит, не всё потеряно. Я уже мысленно готовился к неловкому прощанию в коридоре.

— Конечно, давай, — отозвался я, пожалуй, с излишним энтузиазмом. — Только, может, в воскресенье? В субботу у меня уже есть планы.

— Ты же слышал про мои воскресенья?

Никогда не понимал тех, кто живёт по строгому расписанию. Сегодня — поход в магазин. Завтра — встреча с друзьями. И так до самой смерти.

— А соседка не может убратъся и приготовить?

— У нас с ней не совместный быт. Всё на мне. И, кстати, от её стряпни сдохнуть можно. Я как-то попробовала — врагу не пожелаешь.

Вчера она мне все уши прожужжала о своих кулинарных талантах. Порою складывается впечатление, что каждая вторая мать, готовя дочь к замужеству, вдальбливает ей в голову чушь о необходимости уметь готовить. Мол, без этого заветного навыка хорошего мужа себе точно не найти.

— Кстати... что у тебя за дела? — поинтересовалась Кристина, продолжая приводить себя в порядок.

— Да так, всякие, — махнул я рукой. — Ничего важного.

Кристина развернулась от зеркала и нахмурилась. В её глазах вспыхнула холодная искорка.

— Здорово ты начинаешь, — сказала она со строгой ноткой в голосе. — Скажи лучше сразу, если у тебя кто-то есть.

Похоже, у неё на меня серьёзные виды. Сразу взяла в оборот.

— Нет у меня никого. Успокойся. Я что, похож на городского ловеласа?

— Похож не похож, но ты явно что-то скрываешь...

— Ничего не скрываю. Просто подработка за городом. Знакомый попросил помочь.

— Жаль, — протянула она с неподдельным сожалением.

— Можем в будни встретиться, — предложил я, почувствовав, что она может остыть за неделю ожидания.

— Ты же говорил, что работаешь до девяти-десяти каждый день, — парировала она с лёгким подозрением. — Когда мы встречаться-то будем?

Она смотрела на меня, как следователь на допросе, не верящий рассказам подозреваемого. Не думал, что мой душевный порыв обернётся такой проблемой. Но раз уж мы оба, кажется, настроены серьёзно, я решил поделиться тем, что меня грызло.

— Вообще-то... я сейчас нигде не работаю. Уволился пару месяцев назад.

Кристина вздёрнула бровь ещё выше. Я почти физически ощущал ход её мыслей.

— Странно... Мы столько общались, а ты ни словом не обмолвился.

— Как-то неудобно было... Безработный мужик — не лучший вариант для знакомства.

— А за что тебя уволили? Только не говори, что за пьянку.

— погоди. С чего ты взяла, что меня уволили? Я сам ушёл.

— Хм, а почему так? — Она продолжала смотреть с подозрением, и впервые с начала нашего знакомства я почувствовал укол дискомфорта.

— С руководством не сошлись характерами, — ответил я, вставая с кровати и натягивая штаны.

Я направился в ванную — умыться и, в надежде, сменить пластинку. Вернувшись, я застал её за пристальным изучением моей скромной обители. Особенно меня удивило то, что она открыла дверцу шкафа с одеждой.

— Знаешь, если тебе не в чем пойти домой, можешь просто попросить, — бросил я с усмешкой.

Пока я надевал рубашку, она стояла, облокотившись на подоконник, и изучала меня, словно картину. Похоже, домой она передумала уходить.

— Выглядишь отлично, — сказал я.

Её лёгкое платье облегало изгибы фигуры, отчётливо проступающие в лучах солнца, проникающего в комнату. Я подошёл, обнял её за талию, притянул к себе и склонился для поцелуя. Кристина отвернулась. Но я не сдался, держал её близко, не давая выбора. Наши тела, ещё помнящие прошедшую ночь, сплелись в молчаливом диалоге. Через мгновение она оттаяла, поддавшись моему напору.

Когда наши губы разомкнулись, её дыхание участилось, как и моё. Не хотелось её отпускать.

— Скажи, а как у тебя продвигается с поисками работы? — прошептала она с придыханием.

Ну вот. Как рукой сняло. Это надо уметь — так момент испортить.

— Пока не очень. — Я резко развернулся и направился к столу, чтобы схватить ключи и телефон.

— Ты тоже уходишь? — спросила Кристина.

— Да.

— Прости, что я спрашиваю. У меня это... как сказать... профдеформация.

Вот же засада. Теперь она могла узнать, что я не запомнил, где она работает. Но я не подал вида.

— Ну да, понимаю... — протянул я. — Тоже, когда захожу в новые здания, всегда обращаю внимание на всякие недоделки.

— Просто у нас по статистике мужчины двадцать пять плюс лет очень часто вылетают с работы из-за проблем с... алкоголем. И найти им работу бывает очень сложно. Какое место ни подберёшь, через неделю-другую — обратная связь от работодателя, что перестал выходить.

Всё оказалось гораздо проще. Даже не пришлось долго притворяться, сама, можно сказать, выложила.

— Может, и мне что-нибудь подберёшь? — спросил я с улыбкой, надевая наручные часы.

— Хорошо, завтра узнаю, что у нас есть, — ответила она вполне серьёзно. — Ты же у нас техник по обслуживанию зданий? Как-то так это называется?

Не зря говорят, что женщины любят ушами. Всё запомнила. Даже алкоголь не помеха. У меня после второго стакана пива в памяти отложился только соблазнительный вырез платья.

— Да. Как-то так, — ответил я.

Мы покинули мою квартиру вдвоем. Пока спускались на лифте, она не произнесла ни слова. Я же, стараясь заполнить эту неловкую тишину, говорил обо всем, что приходило в голову, но она упорно продолжала играть роль обиженной. Видимо, согласно её внутренним убеждениям, время еще не пришло. Я не совсем понимал, зачем всё это, ведь она уже показала, что я ей небезразличен. Но решил подыграть.

— Проводим тебя до остановки? — с притворным энтузиазмом спросил я, оказавшись с ней на улице.

— Далеко? — уточнила она, чуть склонив голову.

— Вон туда, через дворы, — я махнул рукой в сторону проходных подъездов. — Тут совсем близко, метров двести, может, триста.

По ее едва заметной гримасе я понял, что для нее это «совсем близко» звучало как приговор.

— Пожалуй, вызову такси, — сказала она, покачиваясь на своих тонких каблуках.

— Ну, как знаешь. Твое дело.

Разочарование — это слишком слабое слово. Передо мной встал выбор: молчаливо ждать такси, лишенный дара речи, или попрощаться и уйти, продемонстрировав полное равнодушие. Оба варианта вели к краху. Я выбрал первый.

— Через пять минут будет, — сообщила Кристина, взглянув на часы.

— Подождем вместе. Мне не к спеху.

Мне показалось или она едва заметно улыбнулась?

Мои опасения, что эти пять минут станут самыми мучительными в моей жизни, не оправдались. Кристина, словно прочитав мои мысли, подошла ближе и прижалась ко мне, положив голову мне на плечо. Испытание, похоже, было пройдено. В груди разлилось приятное тепло удовлетворения.

Когда машина подъехала, я одарил ее на прощание долгим, страстным поцелуем, надеясь, что он останется в ее памяти.

Переполненный радостью, я решил не идти домой, а прогуляться по городу. Дорога ничего не требует — просто иди и думай. Или не думай. Приятно хоть иногда быть самому себе хозяином.

Привычка много ходить появилась у меня из-за работы. Там я тоже постоянно в движении, но совсем по-другому: это рутина, требующая предельной концентрации. Работа не пыльная, платят сносно, но удовлетворения — ноль. Каждый объект одинаков: безликие бетонные коробки, в которых люди делают вид, что заняты чем-то важным. Я прихожу, чиню, ухожу. И так по кругу.

От работы я никогда не отлынивал, всегда старался делать на совесть. В усердии и ответственности меня не упрекнешь. И всё же два месяца без дела прошли не просто так. Я поймал себя на мысли, что после утра с Кристиной перспектива разослать резюме уже не вызывала привычного отторжения. Возможно, потому что у безработицы появилась цена — и она была слишком высока. Кристина ведь спрашивала про работу. Не давила, нет, но в её вопросе «Как дела с поиском?» сквозило нечто большее, чем простое любопытство. Ей было не всё равно. И мне вдруг тоже стало не всё равно.

Домой я вернулся лишь спустя пару часов. Шагомер насчитал больше двадцати тысяч шагов. По пути заглянул в магазин и пополнил стратегические запасы пива. Стоило бы остановиться, но я позволил себе это последнее маленькое удовольствие. Взвесив все «за» и «против», я понял, что стою на пороге нового этапа.

Правда, рынок труда оказался куда менее податливым. Потратив несколько часов на поиски, я нашел лишь две подходящие вакансии, причем одна из них — у моего бывшего работодателя. Туда меня точно не возьмут, да и сам я не вернусь ни за что. Оставалось уповать на подработки, которых с каждым днем становилось все меньше. Да и мне самому надоела эта суета с минимальным выхлопом. Сплошное разочарование.

Решив, что утро вечера мудренее, я откупорил бутылку пива и засел за приставку. Пока играл, выпил еще две. Долго я не продержался: бессонная ночь и пройденные километры сделали свое дело. Три бутылки пива вырубili меня напрочь.

Проснулся я от настойчивого звонка. Спросонья я не сразу понял, где нахожусь и что происходит. Часы показывали девять вечера. На экране светился номер Кристины.

— Алло, — ответил я, стараясь придать голосу бодрости.

— Привет, ты ещё не спишь?

— Не-е-ет, ты что. Работу искал. Так, пока глухо, но чувствую, что уже близко.

— У меня хорошая новость. Я сегодня зашла в рабочий кабинет. Подумала, чего время зря терять. Может, чего подвернется толкового.

Вот это серьёзный подход к делу. На её фоне я ощущал себя неловко.

— Ну-ну... И что там? — спросил я.

— В общем, ты не поверишь, но как раз вчера прислали новую вакансию. Причем именно на твою должность.

— Да ладно, серьезно? — Я от удивления подскочил с дивана. — Прямо как в сказке. Не верится даже.

— Ну, ты погоди пока радоваться. Еще собеседование пройти нужно.

Я замолчал, ожидая продолжения.

— Хорошо, когда твоя девушка работает в кадровом агентстве и может тебя правильно представить, правда?

«Моя девушка... Кристина, ты лучшая», — пронеслось у меня в голове.

— Да, действительно. А что за работа, где именно?

— «Авангард Тауэр» знаешь?

— Серьезно? «Авангард Тауэр»? — Я не мог поверить своим ушам и подбежал к окну. — Та самая пафосная высотка? Про которую все друг другу в городе уши прожужжали? Которая видна из каждого дома на многие километры вокруг?

— Да, милый... — прошептала она таким тоном, что у меня по спине пробежали мурашки. — И бьюсь об заклад, она будет твоей...

— Ух ты! Я, знаешь... Обожаю тебя, Кристина, правда! Ты просто невероятная!

— Надеюсь, ты не забудешь эти слова...

Она положила трубку, а я еще долго стоял у окна, глядя в ночное небо. Я не преувеличивал, когда сказал, что строящийся «Авангард Тауэр» виден из каждого окна в округе. Вот уже пару лет, как только я сюда переехал, я смотрел на это грандиозное, спиралевидно изгибающееся здание и мечтал о том, как бы здорово было там работать. Похоже, новый этап действительно наступает. Я был абсолютно уверен, что меня ждут грандиозные перемены.

Глава 3

Поток людей растянулся на десяток метров у пропускного пункта. Со всех сторон доносился звонкий говор, обрывки дружеских бесед и взаимных приветствий. Каждое слово, каждая фраза, как крошечный самородок, выхватывались моим сознанием, чтобы хоть как-то влиться в этот чужой мир, избежать гнетущего чувства изгоя. Привычка, выработанная частой сменой работы, служила броней.

Само сооружение пропускного пункта напоминало скорее бункер, нежели скромную будку с угрюмым охранником. Небольшое окошко, словно бойница, и тусклый глаз камер, уставившихся извне. По периметру – высокий металлический забор из мелкой сетки, будто здесь охраняли стратегический объект, а не пропускали рабочих на стройплощадку. Физиономия охранника, высунувшаяся из окошка, казалась высеченной из камня. Столь суровая, что в её глубине читалась угроза: расстрел на месте или, как минимум, жестокое избиение, если твое имя вдруг не окажется в его заветном списке.

Разум, конечно, шептал, что я в списке. Пропуск, полученный всего два дня назад, должен был развеять сомнения. Но внутри, под слоем логики, клубился старый, знакомый червячок неуверенности. Так всегда бывает в первый рабочий день, а в этот раз оформление прошло на удивление молниеносно. Очевидно, им был очень нужен новый сотрудник.

Переводя дух, я миновал ворота, и толпа, словно река, разделившаяся на два русла, устремилась к двум разным бытовкам. Одна, более многолюдная, состояла из мужчин, вторая, поменьше, – из женщин.

Внутри воздух был густым от запаха влажной ткани и легкого, терпкого аромата сигарет. Я обнаружил свой шкафчик, а в нем – новенькую рабочую форму. Хрустящая, пахнущая новой тканью, она резко контрастировала с обычным «приданным» из выдавших виды, многократно стиранных вещей.

Процесс переодевания неустанно прерывался бесконечным ритуалом приветствий. Вновь прибывший был обязан обойти всю бытовку, пожать руку каждому встреченному коллеге. К счастью, мой личный ритуал был свершен раньше, на свежем воздухе, когда людей было меньше.

Натянув комбинезон и куртку, я надел каску красного цвета и пояс с инструментами.

По плану нужно было заглянуть в бытовку руководителя. Она стояла особняком, чуть в стороне — я заметил её ещё в первый визит. Большому начальнику полагалось уединение. Да и статус не позволял тесниться с остальными.

Я постучал в дверь с табличкой «Главный инженер».

— Войдите! — раздался из-за двери бодрый голос.

Внутри оказалось просторное помещение — размером едва ли не с общую бытовку. Вдоль стены — стол с ноутбуком, стопки бумаг, папки, бутылка воды. За ним сидел худой, долговязый мужчина лет сорока с лишним. Волос на голове почти не осталось, лишь редкие пряди по бокам да на затылке. В прошлый раз, когда он водил меня по объекту, на нём была каска белого цвета — и я этого не заметил.

— Доброе утро, Герман Львович, — выдавил я почти шёпотом, не будучи до конца уверен, что запомнил имя правильно.

— Доброе... — он оторвался от экрана. — А, это ты! Август, кажется? Извини, если ошибся. Имя редкое.

— Всё верно, — я улыбнулся. — Уже привык.

— Так. Ты же у нас первый день? Ориентируешься, где что находится?

— Ну... в общих чертах. Думаю, не заблужусь.

— Это хорошо, — усмехнулся он. — А то рук не хватает. Всё в срок успеть надо, сам понимаешь. Начальство насаждает.

— Ага, понимаю.

— Значит, так. Задачи на сегодня, — Герман Львович взял в руки планшет, лежавший рядом с ноутбуком. — Начнём с системы вентиляции на двадцать пятом этаже. В кабинете 512 жалуются — поток воздуха слабый. Скорее всего, фильтр забился или заслонка заклинила.

Он положил планшет передо мной на стол. На экране была развёрнута схема воздуховодов.

— Вот, смотри, — он провёл пальцем по дисплею. — Воздуховод идёт прямо от общей магистрали. Тебе нужно подняться на кровлю, найти выход на этот участок. Там должен быть сервисный люк или ревизия. Проверишь состояние фильтра. Если забит — меняешь. Если заслонка не двигается — попробуешь разработать, смазать. Здесь, вот на схеме, указан электропривод. Если сама разработка не поможет, будем копать дальше.

Он протянул мне планшет. Я взял его, продолжая вглядываться в линии и обозначения.

— Всё понятно? — спросил Герман Львович.

«Фильтр или заслонка», — пронеслось у меня в голове. Версии самые очевидные и простые. Но, судя по схеме, кабинет 512 был подключён к магистрали, которая шла почти через весь этаж. А чуть дальше на той же магистрали обозначены два узла, связанные с центральным вентилятором. Вдруг проблема не в местной заслонке, а в самой магистрали? Может, её смонтировали с перекосом или при монтаже попал мусор? И ещё — кто проверял, в каком режиме работает центральный вентилятор на кровле?

— Умеешь пользоваться? — Герман Львович показал на планшет в моих руках.

Я посмотрел на него так, чтобы было понятно, как меня задевает подобный вопрос. Но по его взгляду было видно — он на самом деле ждет ответа.

— Да. Был опыт, — небрежно бросил я.

— Ты так и не ответил. Всё ли понятно с заданием?

— Понятно.

— Хорошо. Если будут вопросы или сложности — обращайся.

Какой хороший человек. Надо будет спросить, как тут в туалет сходить. Вдруг подскажет, как правильно?

Покинув бытовку, я направился к фасаду здания, где возвышалась стальная мачта с подъёмником.

С каждым шагом во мне росло благоговение перед этим исполинским зданием. Большинство вокруг даже голов не поднимали — для них это была серая рутина. А я, словно замороженный ребёнок, ловил взглядом игру света на уникальных изгибах этажей и перекрытий. Каждый ярус извивался, точно живая змея, и слепил солнечными бликами. Одно дело — видеть эту громаду издалека, из окна квартиры или на интернет-картинке. Совсем другое — стоять у её подножия, чувствовать, как бьётся её стальной пульс, становиться частью этого ритма. Автор этого дизайна — безусловный гений.

Подойдя к массивной, забрызганной строительной грязью кабине, я машинально огляделся в поисках оператора. Дверь была открыта, но рядом — ни души. В кабину зашли ещё несколько рабочих — кто с инструментом, кто так. Я шагнул следом, надеясь, что оператор просто отошёл или, может, опаздывает. Маловероятно и непрофессионально, конечно, но кто их знает, как тут принято. Дверь с грохотом закрылась. Все затихли, уставившись в пространство перед собой.

Подъёмник не двигался. Прошло секунд десять. Видимо, ждали какого-то сигнала — сверху или с поста охраны. Один из рабочих, коренастый, с недельной щетиной, стоял прямо напротив и с усмешкой смотрел на меня. Стало как-то не по себе.

— Ну и чего ждём? — спросил один из мужиков.

Сначала я не понял, к кому обращаются, но через мгновение осознал — все смотрят на меня. Суетливо оглядевшись, я не выдержал:

— А где оператор? Мы же стоим...

В кабине раздался сдержанный смешок. Тот самый, со щетиной, ткнул пальцем в стену справа от меня:

— Так вон он, оператор-то, у тебя под носом. Кнопку жми.

На этот раз засмеялись все — громко и открыто. Но громче всех — тот самый парень, мнящий себя великим остряком. Он стоял, ухмыляясь во всю рожу, растопырив ноги и скрепив на груди руки — такая карикатура на вышибалу. Ну-ну, подловил, молодец. Обожаю этих придурков, свято верящих, что всё, что очевидно им, так же ясно и остальным. Вокруг него кучковалась его же шайка, что-то шептавшая на ухо своему предводителю.

Я поспешно нажал нужную кнопку, надеясь, что никто не заметил, как у меня покраснело лицо.

— Первый день? — раздался низкий голос прямо над ухом.

Рядом стоял широкоплечий мужчина с короткими, прилизанными волосами. Молодое лицо — круглое, словно блин, с печально опущенными уголками губ — уже щедро серебрила седина на висках. И всё же он казался скорее добродушным. Наверное, дело было в глазах — спокойных и усталых.

Я молча кивнул.

— Не принимай близко к сердцу, — сказал он ободряюще. — Здесь у всех так в первый раз. Своего рода обряд посвящения.

— А я уж подумал, что один такой отсталый, кто автоматических подъёмников в жизни не видел.

— Тут тоже раньше оператор был, в самый разгар стройки. Полгода назад автоматику поставили. Первое время все тупили. Не везде есть средства на такое. Я Макс, кстати, — он протянул руку. — Твой напарник.

И только тогда я разглядел на нём такую же красную каску, как на мне, и тот же набор инструментов, тяжело провисавший на ремне.

— Август, — отозвался я, пожимая его руку. — Не знал, что у меня будет напарник.

— В этом колодце один закопаешься, — сказал он, даже не заострив внимания на моём имени. — Ну что, Львович тебе геморрой какой подогнал?

— Воздух в 512-ю не идёт. Сказал фильтр проверить.

— Думаю, в клапане дело... — протянул он задумчиво. — Если захлопнулся, пыль не летит — фильтр может и чистым быть. А если привод клинит, то фильтр ни при чём. Тебе на кровлю надо, к блоку управления. Проверишь, есть ли питание. Пошли, вмиг разберёмся.

Выйдя на нужный этаж, Макс двинулся вдоль коридора, а я последовал за ним. Мне невероятно повезло наткнуться именно на него. Из-за спиралевидной формы здания все помещения здесь отличались от привычных квадратных. Планировка напоминала винтовую лестницу, где вместо ступеней по кругу располагались офисы со скошенными стенами, причём скошенными по-разному — в зависимости от того, какую часть витка они занимали. Вдобавок ко всему, в здании использовалась мудрёная система деления этажей на зоны. Не зная я этого, бродил бы здесь в поисках нужной комнаты до самого вечера.

Макс оказался не из молчаливых. Пока мы шли, он заполнял тишину своим густым, басовитым голосом:

— Тут на этаже маляры работают. Может, увидишь потом... Вся бригада — девушки, одна к одной. Начальница, правда, Кира — жёсткая, с ней не забалуешь. Хотя и к лучшему: работу знает. У нас тут вообще девчата головастые. Вот, к примеру, сантехники-монтажницы... Видал в оранжевых касках? Люба, что повыше, — она тебе коллектор на пятнадцать

стояков соберёт с закрытыми глазами. И краны у неё никогда не подтекают. Познакомить, если хочешь?

— У меня вроде как девушка есть, — ответил я, пытаюсь ухватить нить его потока сознания. — Вообще-то, это она меня сюда устроила. В кадрах работает.

— А, дело ясное. Ну, если что — обращайся! Я-то сам женат. Но посмотреть — тоже люблю.

Нужный офис оказался техническим помещением, затаившимся в тупике за пожарным гидрантом. Проблема, как и предполагал Макс, крылась в клапане: его проводку, по-видимому, передавили строители, когда монтировали панель. Макс, попрощавшись, ушёл по своим делам, а я неспешно провозился с полчаса, устраняя неполадку.

Закончив, решил немного побродить по этажу, осмотреться. Заодно проверил крепление, ход дверей, подкрутил пару оконных рам. По большому счёту, особо ничего доделывать или переделывать не пришлось. Материалы везде были качественные, современные.

Блуждая по одному из коридоров, я уловил приглушённые голоса, похожие на женские. Тут же вспомнились слова Макса про бригаду маляров. Стало любопытно.

Я двинулся на звук и вскоре в боковом проходе заметил девушку. Блондинка, невысокая, с аккуратным носиком и большими, будто бы постоянно удивлёнными глазами. На ней был белый малярный комбинезон, на голове — платок, а на шее болтался респиратор. Уткнувшись в телефон, она что-то быстро набирала. Заметив моё приближение, испуганно подняла взгляд и на мгновение задержала его. Первоначальный испуг на лице сменился лёгким интересом, но затем, услышав властный окрик из помещения, она тут же юркнула внутрь.

Проходя мимо, я как бы невзначай заглянул в комнату. Внутри трудилась бригада маляров — сплошь женщины. Бригадирша, женщина с низким, командным голосом, отчитывала одну из девушек.

— Машка, глаза не отводи, сюда смотри! На импост! Что это, а?! Объясни, умница, как так можно?! Ты штапик красить пришла или всё окно?!

— Ну я... я валиком старалась ровно... он соскользнул, — тихо оправдывалась девушка.

— Не соскользнул, а мозги отключила! Видишь полосу на стекле? На три миллиметра заехала! Это ведь не краска для стекла! Высохнет — не отскоблить, только лезвием, и стекло исцарапаешь! Или заказчик в дефекты запишет, или мы сами по часу на каждое окно потратим. Ты мне на сотне окон по часу подаришь?

Машка молчала. Только губы чуть вздрагивали.

Бригадирша тяжело вздохнула и чуть сбавила напор:

— Кисть бери, вторым номером, и не ленись малярку на стекло клеить, раз руки не оттуда растут. А теперь иди, уйит-спирит найди, пока не засохло, аккуратно всё сотри. Потом мне покажешь. Быстро!

Девушка кивнула, шмыгнула носом и поспешила к вёдрам с инструментом. В этот момент бригадирша заметила меня, застывшего в дверном проёме.

— Вам чего? — рубанула она взглядом.

— Извините, я... сегодня первый день. Пока плохо ориентируюсь, вот решил заглянуть, понять, что тут к чему.

Бригадирша приблизилась, пристально меня оглядывая. Невысокая, крепко сбитая женщина средних лет. В отличие от остальных, на голове у неё была не косынка, а сетка, из-под которой выбивались короткие, под мальчика, чёрные волосы.

— А ты у нас кто? Из технички?

— Да. Техник по...

— Агась, — перебила она. — Слушай сюда. У нас тут через две комнаты проблема с венканалом... Чёртов приток из этой дырки дует, будто из печки! Краска сохнет ещё в воздухе, ложится комьями, как манная каша. Пятно вокруг решётки уже в третий раз перекрашиваем!

— Затыкать пробовали?

— Пробовали! Всё, что можно, впихнули — и пену, и тряпки, и плёнку. Эта сволочь всё равно выдувает! Я уже и вентиляторы ваших искала — телефоны не берут, будто сквозь землю провалились. А графики-то горят! Ты посмотри тогда, что там можно сделать! Только не забудь!

— Хорошо, — кивнул я, уже отходя. — Прямо сейчас, по дороге, заскочу!

На каждой стройке найдётся такая боевая тётка, которая всех пытается построить. Но эта — просто что-то с чем-то. Бедные девчонки... Не хотел бы я оказаться на их месте. Наседает бригадирша — будь здоров. Сделай то, сделай это... И всё — прямо здесь и сейчас.

Душой мне хотелось начисто проигнорировать её требования. Из принципа. Дать понять, что она мне не указ и что есть дела поважнее. И всё же любопытство заело: что там за дела с вентиляцией? Тем более на том же этаже, что и кабинет 512. Подумал, а вдруг это как-то связано.

Вентиляционное отверстие, когда я его увидел, больше напоминало помойку. Всё было на месте: комки застывшей монтажной пены, напиханные тряпки, а сверху — ещё и обтянуто плёнкой. Я взобрался на стул и принялся выковыривать этот хлам отвёрткой. Убил минут десять. Ещё до того, как всё убрал, заметил: из шахты прёт поток воздуха. Сложив мешки с цементом на стул, я смог заглянуть в шахту с фонариком. Ни тебе видимых препятствий, ни посторонних предметов — пустота, уходящая в чёрную глубину.

Ситуация, конечно, странная, но вникать в её тонкости у меня не было ни времени, ни желания. Просто нужно было на время перекрыть приток воздуха. На несколько часов, может, на сутки — ничего страшного. Маляры закончат свою работу, и всё вернётся на круги своя.

Найдя на схеме щит управления, я направился к нему. Щелчок рубильника — и где-то в глубине стен стих ровный шум потока. Всё, дело сделано.

Я вернулся в помещение, чтобы оценить результат. Каково же было моё удивление, когда я понял: почти ничего не изменилось. Постоянный поток воздуха исчез, но короткие, отрывистые выдохи по-прежнему продолжались — будто где-то работает нагнетатель. Огромный и медлительный. Всё это странное действие сопровождалось глухой, плотной вибрацией. Из отверстия отчётливо доносилась тяжёлая, размеренная пульсация, ровная, как удары метронома.словно в самых недрах здания дышал и гудел гигантский механизм.

Может, это остаточный эффект? Я подождал несколько минут — ничего не изменилось. Удивительное дело. Что ж, делать нечего. Раз толку от моей затеи никакого, нужно вернуть всё как было. Я вернулся к щитку и вернул рубильник в прежнее положение.

— Сильно занят? — Голос, резкий и неожиданный, заставил меня вздрогнуть.

В коридоре стоял незнакомец в синей каске и безупречно чистом сером комбинезоне. Видимо, кто-то из инженеров.

— А-а, нет, ничего... — поспешно выдавил я, пытаюсь обойти его.

Но незнакомец быстрым движением преградил путь.

Это был мужчина лет тридцати, на полголовы ниже меня. Лицо худое, вытянутое, с длинным, будто выточенным из кости, носом и тонкими, сжатыми в ниточку губами. Огромные уши оттопыривались даже из-под каски. А маленькие, прищуренные глаза методично, словно сканеры, изучали меня, выискивая несоответствие.

— Вы что-то хотели? — спросил я, бросив взгляд на болтавшийся на груди бейджик: «Фёдор Воронцов, ведущий инженер».

— Да. Я хотел узнать, имеешь ли ты наряд-допуск на производство работ в электроустановках? Форма по ТБ-234, подписанный мной или главным инженером?

Я замер, не зная, что ответить. Врать было бесполезно — он наверняка потребует показать. Моё замешательство кричало громче любых слов. Инженер, кажется, уже всё понял. Его пристальный взгляд не предвещал ничего хорошего.

— Ну, я же не на подстанции что-то ремонтировал, — начал я оправдываться. — Просто отключил вентиляцию в одном помещении. Бригада маляров жаловалась на сквозняк. Не думал, что здесь всё так строго.

— Фамилия? — отрезал он, не поднимая глаз от планшета.

— Горин. Я новый техник. Сегодня первый день.

Он поднял голову, и в его взгляде мелькнуло что-то вроде понимания, но тут же сменилось холодной назидательностью.

— Запомни, Горин. Ни один выключатель, ни один клапан, ни один контроллер на этом объекте — без моего письменного распоряжения или распоряжения главного инженера.

— Понял. Учту, — кивнул я, решив, что инцидент исчерпан, и снова попытался улизнуть.

Инженер, словно прочитав мои намерения, преградил мне путь, и мы оказались почти вплотную, лицом к лицу.

— Есть список задач на сегодня? — спросил он тоном хозяина, отчитывающего провинившегося щенка.

Внутри что-то ёкнуло, но дерзость пересилила.

— Ну, вообще... в планах было прогуляться, посмотреть, что тут да как. Виды, говорят, из окон хорошие.

Я знал, что этот ответ взбесит его. И не ошибся.

— С огнём играешь... — прошипел он.

— Ничего я не играю, — бросил я небрежно, делая вид, что весь этот формализм меня лишь утомляет.

— Играешь, Горин, играешь... — протянул он уже тише, но так, что каждое слово впибалось в кожу. Его взгляд стал пристальным, почти физическим.

— Вы, Фёдор Валерьевич... — я снова скользнул взглядом по бейджику, а затем встретился с его колючими, прищуренными глазами. — Похоже, решили, что я занимаюсь не тем. Я делаю свою работу. А вы мне в этом мешаете.

Я смотрел ему прямо в глаза, показывая, что страха нет. Он несколько секунд не отводил взгляда, но затем отступил, пропуская меня. Когда я шёл мимо, он бросил вслед:

— Я за тобой слежу, Горин.

Я не обернулся, ускорив шаг к лестнице. Дистанцию нужно было увеличить как можно скорее, пока этот бюрократ-формалист не увязался следом к подъёмнику. Люди помощи ждут, а тут — бумажки. Да и толку-то? Отключение вентиляции ситуацию не спасло. Что-то здесь нечисто...

Ещё часа два я корпел над плановыми заданиями. Потом, в обеденный перерыв, мы с Максом встретились у столовой — двух сцепленных вагончиков, что стояли чуть в стороне от ряда общих бытовок. К её входу, будто мелкие ручьи, стекались вереницы фигур в выгоревших оранжевых жилетах и засаленных комбинезонах. Из трубы на крыше валил густой, почти непрозрачный дым.

Места внутри ещё оставались, и мы с Максом устроились за грубым деревянным столом, сколоченным из неструганых досок. Вокруг стоял звон ложек о миски, причмокивание, прихлёбывание. Сквозь набитые рты люди вяло перебрасывались обычными словами — о работе, о начальстве, о том, как всё дорожает.

— Не пожалела, смотрю, жена, — кивнул я на дымящуюся гору макарон и внушительный кусок мяса в контейнере у Макса.

— Да, она любит нас баловать, — улыбнулся он, высыпая в чай один за другим пакетики сахара.

Я скользнул взглядом по своей тарелке: мятая картофельная пюрешка с признаками чего-то, отдалённо напоминающего тушёнку. Денег было в обрез, поэтому взял самое дешёвое, что нашлось в местном меню.

— Дети есть? — спросил я Макса.

— Ага. Мальчик и девочка. Шесть и пять.

— Молодец.

— А ты чего? — поинтересовался Макс, уминая большой кусок мяса. — Жениться думал?

— Мы только недавно познакомились. Рано пока об этом думать.

— Ты ещё молодой, — заметил Макс. — У меня тоже было время, когда казалось, что вся жизнь впереди. А потом — бац! И вот они, шестилетний и пятилетний, требуют внимания, еды и новой игрушки каждый божий день. Но я ни капли не жалею. Ведь это же своё, родное, понимаешь?

Я кивнул, сделав вид, что понимаю, но до философских прозрений Макса о семейной жизни мне было как до луны.

Людей в столовой становилось всё больше, гомон нарастал, сливаясь в сплошной густой гул. Обстановка начинала действовать на нервы, и я, сдавшись после нескольких ложек безвкусной размазни, решил выведать у Макса что-нибудь про стройку.

— Похоже, тут денег немалых вбухали? Всё такое хай-тек.

— Во-во, — усмехнулся Макс коротко и сухо.

— Слышал, тут офис какой-то иностранной компании будет? Или это просто слухи?

Макс задумался, будто подключаясь к незримой базе данных местных сплетен.

— Точно ничего не известно, — ответил он наконец. — Вроде как скандинавская компания. Производят какие-то суперсовременные полимеры или композитные материалы...

— Хм. Интересно... Чего это они к нам пожаловали? Неужели контракт выгодный подписали?

— Не знаю... Не задумывался.

Если такое здание отгрохали — значит, всерьёз и надолго. Странно, правда: строить из композитов? Макс вроде упоминал полимеры... Выходит, углепластик или что-то в этом роде. Может, для авиации...

Я быстро понял, что вытягивать из Макса что-то конкретное — гиблое дело. Он скользил по поверхности фактов, не утруждая себя погружением в детали, которые его, очевидно, мало волновали. Его стихией были человеческие души. За обедом он поведал мне три свежих производственных драмы со всеми сплетнями, пересудами и тайными симпатиями.

После обеда мы присели на улице, вдыхая воздух, пропахший пылью и холодным железом. Мимо прошла группа маляров — та самая женская бригада, с которой я столкнулся на двадцать пятом этаже. Девушки оживлённо переговаривались, и одна из них, случайно заметив нас с Максом, замерла взглядом. Приглядевшись, я узнал ту самую маляршу, с которой столкнулся в коридоре. Не знаю, что побудило меня, но я поднял руку в приветственном жесте. Она помахала в ответ и, хихикая, что-то сказала подруге.

Группу замыкала бригадирша Кира. Увидев, кому машет её работница, та с сияющим лицом направилась к нам.

— Хотела поблагодарить! Молодец! Всё в момент починил! Даже искать никого не пришлось!

— А... за что? — спросил я в полнейшем недоумении.

— Ну как за что? Вентиляцию же ты сделал? Теперь не дует, мы уже всё покрасили.

Я замер. Что за ерунда? Так не бывает. То дуло, то нет. Но признаваться, что это не моя заслуга, я не стал.

— Это просто моя работа, — кивнул я. — Если что, обращайтесь.

Она усмехнулась. Видимо, как и многие до неё, заметила, как неловко я себя чувствую, когда меня благодарят. Мне всегда казалось, что после этого я становлюсь чем-то обязанным.

Кира удалилась, а Макс снова принялся травить байки про местных рабочих. Первое время я слушал и даже кивал, но затем мысли сами собой вернулись к вентиляции, которую я якобы починил. Раньше ни с чем подобным я не сталкивался. Возможно, это простая техническая загвоздка, случайность, но мне почему-то казалось, что в этом есть нечто важное. А может, я просто от скуки ищу загадки там, где их нет.

В конце дня, заполнив журналы и переодевшись, я покинул территорию стройки с лёгким, почти непривычным чувством — сплавом удовлетворения и недоумения.

Первый рабочий день остался позади. И прошёл он весьма неплохо. Бывало намного хуже. Однажды, едва успев отскочить, я чудом избежал удара массивным куском потолка. Старому электрику, увы, так не повезло: он не успел. Чудом остался жив, но ногу сломал в двух местах. Пришлось вызывать скорую и спускать его вниз, подхватив под руки. Так что «Авангард Тауэр» встретил меня, можно сказать, весьма радушно.

В кармане зазвонил телефон — Кристина. Она спросила, как прошёл день, нравится ли мне и не собираюсь ли я всё бросить. Я ответил скупко: атмосфера деловая, без лишней нервозности. В её голосе послышалось одобрение.

— Ладно, не подведи меня, — усмехнулась она перед тем, как попрощаться, и линия оборвалась.

Я остался наедине с наступающими сумерками. Её слова, сказанные в шутку, засели в голове. Да, она поручилась за меня. Её репутация теперь была на кону, и эта мысль превращала обычный выход на новую работу во что-то большее — в испытание для нас обоих.

Глава 4

В субботу, с первыми лучами рассвета, я отправился за город на подработки. Мой давнишний приятель, с которым мы когда-то учились в техникуме, держал свой скромный бизнес: занимался ремонтом и отделкой помещений. На этот раз им с напарником предстояло подготовить большой коттедж к летнему сезону. Объём работ был внушительным, так что мой приятель, недолго думая, позвонил мне.

Несмотря на переменчивость и отсутствие чётких карьерных горизонтов, я всегда питал слабость к подобным «халтуркам». Работаешь в своём ритме, над душой никто не стоит. Порой я всерьёз размышлял о том, чтобы посвятить себя этому ремеслу на постоянной основе. Да и приятель мой не раз подталкивал к этому. Дескать, лишние руки никогда не помешают, а ты, мол, и специалист что надо. Больше заказов — лучше качество, а там, глядишь, и рост не за горами. Но каждый раз я находил причину отказаться, прекрасно осознавая, что поток заказов далёк от стабильности. Хоть друг и расписывал всё в радужных тонах, реальность была куда прозаичнее.

В этот раз мы застряли куда дольше запланированного. Подземная труба, ведущая от дома к колодцу, оказалась с трещиной, и давление в ней никак не держалось. Пришлось перекапывать участок и латать пробоину, которую, судя по всему, прогрызли местные грызуны. В итоге домой я добрался лишь в десятом часу, измождённый и вонючий. После горячей ванны меня, по обыкновению, ждали мягкий диван и запотевшая бутылочка холодного пива. Играть в тот вечер совершенно не хотелось, и потому я залипал в видео на телефоне, одновременно переписываясь с Кристиной, которая искренне сокрушалась, что я провёл весь день в трудах и мы не смогли увидеться.

Признаться, мне было непросто найти новые темы для разговора с ней, ведь все наши общие интересы мы исчерпали ещё до первого свидания, в переписке. В баре своё дело делали алкоголь и взаимное притяжение. К тому же для меня стало весьма приятной неожиданностью, что Кристина оказалась именно такой, какой я и представлял. После череды свиданий с девушками, которые лишь отдалённо напоминали свои фотографии, я начал терять веру в эффективность онлайн-знакомств. Но когда первое впечатление рассеивается, ты остаёшься один на один с нагромождением чужих комплексов, страхов и желаний — всё это именуется личностью. И от того, насколько эти наборы совпадут, будет зависеть, как долго вы сможете терпеть друг друга.

Кристина была невероятно красива. Я постоянно повторял это себе, словно мантру. Поразительно, как при такой внешности она ещё не стала чьей-то содержанкой. Хотя, разумеется, могла бы с лёгкостью. Вместо этого она выбрала учёбу и работу, в которой, к тому же, стремилась к росту и развитию. За три года в кадровом агентстве она поднялась до позиции старшего специалиста. Одни плюсы. Не девушка, а мечта. И всё же мне было с ней скучно, сам не знаю почему. Видимо, я из тех людей, которым вечно чего-то не хватает, и от идеальности Кристины меня уже начинало подташнивать.

Тем не менее пока расставаться с ней я не собирался, и, когда она предложила провести воскресенье вместе, помогая ей с уборкой по дому, я сразу же согласился. Естественно, понимая, что под «уборкой» подразумевалось и кое-что ещё.

На деле же, когда я прибыл, оказалось, что двухкомнатная квартира, которую Кристина снимала с подругой, в генеральной уборке особо не нуждалась. На территорию соседки заходить не пришлось, да и сама Кристина была на редкость чистолюбивой. Большую часть времени я провёл, кряхтя над протекающим краном в ванной и водружая на стену кухонный шкафчик. Кристина, безусловно, умела искусно использовать людей, задействуя их навыки и способно-

сти, что, по всей видимости, служило своеобразной компенсацией отсутствия с моей стороны финансовой поддержки.

После того как я закончил, меня ждал ужин — истинное воплощение кулинарных талантов хозяйки. Ризотто с грибами оказалось на редкость нежным и бархатистым. Взяв тарелки, мы устроились на диване перед телевизором, и Кристина предложила посмотреть кино. Я согласился, наивно полагая, что это не займёт много времени.

Как оказалось, это был один из её любимых фильмов — история о девушке, которой умерший возлюбленный продолжал слать письма и подарки даже после своей смерти. Большая часть фильма прошла для меня в туманной полудрёме, я искренне недоумевал от абсурдности сюжета.

— Это же такая трогательная история любви! — воскликнула Кристина, её лицо пылало, а глаза были полны слёз. Она ожесточённо тёрла их салфеткой. — Неужели тебя это совсем не трогает?

— Я просто не могу понять, как человек, смертельно больной, сумел организовать такую сложнейшую систему доставки подарков и писем, рассчитанную на годы вперёд, да ещё и включающую поездки в другие страны.

— Да какая разница! Это же условности кино! Главное — эмоции, которые ты испытываешь!

Я промолчал, не зная, что ответить. Эмоций я не испытывал, разве что нарастающее недоумение. Если бы она выбрала что-то попроще, мы бы уже давно перешли к более интимному времяпрепровождению, минуя весь этот поток слёз и соплей.

— И ещё, — вспомнил я, — почему никто из её друзей или родственников не попытался прервать эту психологическую пытку, которая мешала ей жить дальше?

— Ты просто не понял! Всё это было сделано для неё, чтобы помочь ей забыть о нём и жить дальше!

— То есть сама она бы не справилась со своей жизнью? Ей требовалось разрешение умершего парня?

— О боже, ну ты и зануда! — Кристина подпрыгнула на диване. — К тому же ты такой чёрствый!

— Это не так... — начал я оправдываться. — Мне просто сложно проникнуться чем-то, если я вижу нелогичность и глупость, а в этом фильме их предостаточно.

Кристина надула губы и нахмурилась. Затем, собрав ком использованных салфеток с подлокотника, она скрылась в ванной комнате.

Я был в недоумении. Что за странный пассаж демонстрировала мне Кристина и какую реакцию она ждала? Могла бы хоть поинтересоваться моим мнением, тем более что я был у нее в гостях и мы знакомы совсем недавно... Быть может, это какой-то замысловатый тест на эмоциональный интеллект? Я слышал, такое практикуют при оценке персонала, но чтобы в личных отношениях... Это уже за гранью моего понимания.

Она исчезла в ванной комнате на добрых десять минут. Я начал волноваться: не случилось ли чего? Или, может, она так обиделась, что вечер обречен закончиться на этой ноте? Внутренне я уже готовился к худшему — к сбору вещей. Но прежде стоило выяснить, в порядке ли она.

Едва я приблизился к двери, чтобы постучать, как она распахнулась, и мы оказались лицом к лицу.

— Всё хорошо? — спросил я.

Мгновение — и я понял: моя искренняя обеспокоенность развеяла ее сомнения. Кристина обняла меня за шею, и вечер, как и следовало ожидать, завершился в постели.

Ночь, проведенная с Кристиной, на время отодвинула мысли о расставании. Физическая близость, безусловно, создает свою, особенную зависимость, и мелкие раздражающие черты

характера отступают на второй план, теряя свою значимость. К тому же, как бы я ни старался, я не находил ни одной объективной причины для разрыва. Все было слишком хорошо. И сама Кристина, судя по всему, дорожила нашими отношениями. Несмотря на очевидную разницу наших темпераментов, она, как и я, осознанно закрывала глаза на недостатки друг друга.

Утро понедельника встретило нас необходимостью возвращаться к обычной жизни. Я, нарушив собственный ритм, поднялся на рассвете — Кристина жила куда дальше от «Авангард Тауэр».

Ночью бушевал жуткий ливень, и, вырвавшись во двор, я буквально споткнулся о реальность: улица превратилась в бурлящую реку, готовую поглотить тротуары. Пришлось искать лазейку — петлять через чужие дворы и арки. Этот манёвр стоил мне опоздания на автобус, а затем и на работу. В довершение всего я промок до нитки, словно вынырнул из реки.

Герман Львович даже не поднял на меня глаз, когда я заглянул в его импровизированный кабинет. «Ну вот, сейчас начнет отчитывать», — промелькнула мысль.

— Почему опаздываем, Горин? — его лицо облачилось в маску строгой назидательности.

— Так дождь, Герман Львович... Всё залило.

— Значит, выходить нужно было заранее, — в его голосе сквозил тот самый, ненавистный мне поучительный тон.

Я так и не понял, из-за чего весь сыр-бор. Ну опоздал, и что? Я же не на заводе. Производство не остановится из-за того, что я явился на десять минут позже.

— Больше не повторится, Герман Львович... — произнес я, стараясь придать голосу извиняющийся оттенок.

— Надеюсь, — отрезал он. — А теперь расскажи мне вот что, Горин... Ко мне в пятницу ведущий инженер приходил. Сказал, что видел, как ты бродишь по этажам без дела. Да ещё и щитом управления пользуешься без разрешения. Что на это скажешь?

Вот же подлец! Из-за того, что я перед ним не пресмыкался, решил наябедничать главному инженеру.

— Щит управления я действительно использовал, — ответил я, сдерживая эмоции. — Пришлось временно отключить вентиляцию. Маляры просили. Признаю, доступов у меня не было, и впредь такого не повторится — я уже дал слово ведущему инженеру. А всё остальное — чистейшей воды вымысел. Фёдору Валерьевичу стоило бы определиться: либо я без дела слонялся, либо работал у щита. А второе, на минуточку, означает, что я исполнял свои обязанности. Пусть и с некоторым... превышением полномочий.

Он долгим, оценивающим взглядом измерил меня, обдумывая мои слова. Затем отвернулся, изобразив внезапную занятость, и отрезал:

— Ладно, иди работай.

Желание вырваться из этого удушливого разговора стало непреодолимым; я уже почти выскользнул из помещения, но, едва моя нога коснулась порога, как Герман Львович пронзительно окликнул меня:

— Стой! Не забудь о сегодняшних поручениях!

— Ах, точно... — Я бросился обратно к столу, схватил планшет и, не оглядываясь, покинул бытовку.

Первой в моем списке значилась плановая проверка лифта, недавно введенного в эксплуатацию. Мне предстояло оценить плавность хода кабины, работу дверей, чувствительность кнопок вызова и управления. Раньше подобными задачами я не занимался, поэтому Герман Львович скинул мне на планшет подробный чек-лист.

В свой первый визит на сорок пятый этаж лифт вел себя безупречно. Но стоило мне отправиться вниз, как послышались странные, прерывистые звуки, появлявшиеся и исчезающие на разных этажах. Спустившись, я вновь вызвал кабину наверх. И снова те же аномальные

звуки. На этот раз мне даже почудилось, будто лифт играет с гравитацией, словно то замедляясь, то вдруг ускоряясь. Все это живо напомнило мне о неполадках с питанием управляющей электроники.

Я поспешил разыскать монтажников, чтобы поделиться своими наблюдениями и подозрениями.

— Всё должно работать. Мы проверили, — пробасил полноватый мужчина с серебристыми висками. Его коллеги, такие же озадаченные, как и он, смотрели на меня без враждебности.

— Должно — это одно, — парировал я. — Но раз мне приходится тратить время на проверки, значит, что-то может пойти не так.

— Ты же впервые на внутреннем лифте? — спросил более молодой монтажник. — Находясь в незнакомом месте, поневоле начинаешь прислушиваться к каждому шороху. Может, ты просто больше внимания уделяешь работе лифта, чем прочим звукам здания?

Вот это уровень изобретательности! На что только не пойдут, чтобы выкрутиться!

— Но я пользовался похожими лифтами и раньше. Здесь нет ничего запредельного. Те же технологии. Он не должен так себя вести.

— Технологии-то такие... но не совсем, — вмешался другой. — В них установлены новейшие системы стабилизации и шумоподавления. Когда датчики фиксируют малейшее отклонение — вибрацию, неровность, — система мгновенно компенсирует его. Вероятно, эти постоянные микрокоррекции и порождают те звуки, что ты слышал.

Понимая, что дальнейшее препирательство — пустая трата времени, я уговорил одного из монтажников проехаться со мной, чтобы на месте убедиться в отсутствии посторонних звуков. Дважды мы проехали в разных направлениях, и ни единого намека на неисправность. Парень, конечно, изо всех сил старался скрыть торжество, но безуспешно. Поблагодарив за уделенное время и извинившись за беспокойство, я, смущенный, покинул лифт, поставив в чек-листе галочку о полной исправности.

Возможно, они были правы и я излишне остро реагирую на обыденные вещи? Но раньше такого не случалось. Обычная стройка, только дизайн здания выбивается из общего ряда. Может, дело в этом? Какая-то особенность пространства, продиктованная всеми этими архитектурными изысками. Логика и знание физики подсказывали, что это чушь, но иррациональная вера в то, что возможно всё, говорила обратное. Как же тогда отличить норму от неисправности? Игнорировать всё подряд, надеясь, что само починится? Абсурд. Это прямой путь к аварии. А ведь моя работа — предотвращать такие ситуации.

Любопытство взяло верх, и мне захотелось узнать, случалось ли подобное с кем-то ещё. После обеда мы с Максом, по обыкновению, вышли на улицу подышать воздухом и переварить пищу. Устроившись на бетонных плитах, Макс закурил, а я, словно невзначай, завёл разговор...

— Слушай, а у тебя здесь случалось такое, что есть какая-то неисправность, которая непонятно откуда взялась, а потом вдруг — раз! — и всё само починилось?

— Хм... Нет, не припомню, — задумчиво ответил Макс.

Ну да, у него-то всё в порядке. Все беды — только на меня. Похоже, это здание меня просто невзлюбило. Только устроился — оно сразу капризничать начало.

— Ну, такого прям масштабного не было, — вдруг продолжил Макс. — Но по мелочи... много разного творится. Мы уже давно в шутку местным призраком это зовём.

От его слов у меня учащённо забилося сердце. Похоже, здесь и вправду происходит нечто странное...

— Ну-ка, расскажи подробнее, что за призрак такой... — попросил я, едва сдерживая любопытство.

— Ну, во-первых, тут связь периодически пропадает, — начал Макс. — Ты разве не замечал?

Я помотал головой. Никогда в рабочее время не сидел в телефоне, в перерывах же предпочитая просто поглазеть на пейзажи за окном. Телефона мне и вне работы хватало.

— Тут, кстати, есть даже мёртвые зоны — где вообще никогда не ловит сигнал. Хотя, по идее, такого быть не должно. Глушить тут нечем, а связи нет. И самое странное — эти мёртвые зоны... перемещаются.

— В смысле? — удивился я. — Типа, то в одном месте, то в другом?

— Сами зоны примерно там же. Но... примерно. То на пару метров в одну сторону, то на пару в другую... Лёха, прошлый техник, замеры делал. Говорил, будто дрейфует, ходит волнами...

— Постой... — перебил я, не в силах сдержаться. — Лёха? Тот самый, что до меня был?

— Ну да. Он как раз про этого призрака всем и трезвонить начал. Шутил, что, мол, здание, наверное, на кладбище построили, ну или вроде того. Как в фильмах ужасов, знаешь?

— Так. А ещё что? — спросил я, сгорая от нетерпения.

— Ну, по мелочи — много всего. Датчики, например, часто сбоят. Температуры, влажности... Ложные срабатывания или, наоборот, молчат, когда нужно. Сначала думали — брак, потом другие ставили — то же самое. Ещё свет частенько мерцает. У Лёхи, кстати, была история: освещение в коридоре первого этажа заглохло. Просто дико. То мерцает, как стробоскоп, то вообще вырубается намертво — будто все автоматы отключились. Он щитки проверил, проводку по всей линии прозвонил — а там всё идеально, на всех фазах напряжение в норме, изоляция целая, контакты чистые. Даже новые лампы вкрутил — тот же эффект. Ну, он тогда психанул, сказал, что тут «призраки водятся», и ушёл домой. А на следующий день — свет как часы.

— Охренеть... А чего ж ты раньше не рассказывал?

— Да мне как-то с крупными неприятностями везло всегда, а к мелочам я уже привык, не обращаю внимания. А у Лёхи постоянно какая-нибудь ерунда приключалась.

Похоже, должность второго техника проклята. Не захочешь — а поверишь в призраков и всякую мистическую хрень.

— Слушай, а что с этим Лёхой случилось?

— По слухам, запил. Но я не особо верю. Выпивал он, конечно, ну... как все. Но чтобы в запой прям ушёл — вряд ли. Некоторые говорят, что он сбежал куда-то с новой бабой, а жену с детьми бросил.

— Кто говорит? — спросил я, удивившись таким подробностям.

— Ну, кто с ним общался ближе. Вроде как жена его приходила на стройку, со Львовичем разговаривала. Вся в слезах была. Вот слухи и пошли.

— А ты его хорошо знал? Близко общались?

— Ну так... по работе в основном. Он старше намного был, лет под пятьдесят. Байки постоянно травил. Ну а чтобы дружить вне работы — нет. Я поэтому очень обрадовался, когда узнал, что ты молодой. А чего это ты спросил про неисправности?

Он смотрел на меня с любопытством, ожидая ответа. Я же думал лишь о том, что мне теперь с этой информацией делать. В то, что пятидесятилетний мужик сбежал с любовницей, я не особенно верил. А вот найти тех, кто этого Лёху знает, и связаться с ним — вполне неплохая идея. Он, похоже, мужчина опытный, может, подскажет или на мысли наведёт.

— А, да так... — ответил я. — У меня тоже подобная фигня недавно случилась. — И я рассказал Максу историю про вентиляцию и лифт, заодно поведав про ситуацию с ведущим инженером, который меня подкараулил.

— О, брат... — выдал Макс. — Точь-в-точь как у Лёхи было. Ты, кстати, с этим Фёдором поаккуратнее! Попадёшь к нему в список — потом не отвертишься. Будет ходить, пасти постоянно.

— Список? — я насторожился. — Какой ещё список?

Макс вдруг сделался жутко напряжённым. Он нервно огляделся по сторонам, будто где-то могли притаиться чужие уши, и заговорил приглушённо, почти шёпотом:

— Фёдор этот — жуткий тип... Некоторые ребята шепчут, что он метит в высшее руководство. И чтобы выслужиться перед Германом Львовичем, взялся за «чистку». Сам он это называет оптимизацией кадров. Следит за всеми, кто на работе сачкует, косячит, да и просто подозрительно себя ведёт. Говорят, у него даже свои люди среди мелкого персонала — то ли доплачивает им, то ли крышует. Короче, дела тёмные...

Всё это напоминало безумную полицию мыслей. Или концлагерь, где расстреливают на месте за малейшую провинность. Теперь мне стало ясно, почему тот клоун вёл себя именно так. Видимо, опьянённый собственной репутацией, он ждал, что я обмочусь от страха прямо при нём. Никогда бы не подумал, что такая ерунда может твориться на стройке. Ладно бы объект был сверхсекретный — но тут... Платят как везде, а проблем — не продохнуть с самых первых дней.

— А Львович что, позволяет ему это творить? — спросил я. — Мне казалось, он вполне адекватный.

— Ну-у, тут, знаешь, возможно, и от владельцев инициатива исходит...

— Эти скандинавы? Они-то тут при чём?

— Говорят, у них очень жёсткий контроль над всем процессом. Ещё с этапа проектирования началось.

— Какой ещё контроль на начальном этапе? — не понимал я. — Плати деньги и помалкивай в тряпочку. Тем более в чужой стране строишь. Ни технических требований не знаешь, ни геологии.

— Не знаю... Но каждый раз, когда они приезжают, Львович как на иголках. И все замы за ним. А после их отъезда ходят, что-то мутят, со всеми отдельно беседуют. Спросишь потом — никто ничего не знает. Странно как-то.

Мне это тоже показалось странным. Особенно такое плотное общение инженеров с владельцами. Обычно ничего хорошего из этого не выходит. Но информация была полезной. Хорошо, что Макс язык не держит за зубами.

Остаток дня я из любопытства осматривался пристальнее обычного. Хотел понять, нет ли поблизости Фёдора Воронцова. Рассказ Макса заставил меня изрядно поволноваться. Вылететь с работы после двух дней — крайне нелепо. Да и обидно. Я-то здесь ни при чём, обязанности свои выполняю исправно. Всё это чёртов призрак меня подвёл.

Пару раз, перемещаясь по площадке, я действительно замечал ведущего инженера вдали. Он, кажется, занимался обычными делами, из-за угла не выглядывал. Мне начало казаться, что всё это — рассказы и чушь. Тем более у инженеров и своих забот хватает — не до слежки за каждым рабочим.

Макс, похоже, и вправду свято верил в эти истории. На следующее утро мы, как обычно, шли к бытовке за заданиями, и из двери вышел тот самый Фёдор вместе с Германом Львовичем. Макс мгновенно изменился в лице и замолчал — ещё минуту назад он громко и с упоением рассказывал какую-то невероятную историю.

Мы замерли в стороне, дожидаясь, когда они закончат разговор. Не знаю, может, мне показалось, но создавалось ощущение, будто они о чём-то горячо спорят. Мне захотелось придвинуться поближе, подслушать, но я вовремя остановился — осознал, как абсурдно это будет выглядеть. Попадись я ведущему инженеру во второй раз, и он точно установит за мной круглосуточную слежку.

Их беседа завершилась явно на повышенных тонах. Фёдор Воронцов, с лицом, багровым от злости, что-то резко крикнул главному инженеру и быстрым шагом направился к подъёмнику. Народ только начинал подтягиваться, и я безошибочно рассчитал: если сейчас получу список задач — а он наверняка уже готов, — мне придётся подниматься наверх вместе с Фёдором. Чего мне отчаянно не хотелось. Мне по-прежнему казалось, что держаться от него подальше — самое разумное решение.

Когда мы с Максом вышли из бытовки главного инженера, подъёмник всё ещё стоял внизу. Я решил подняться на двадцатый на обычном лифте, том самом, на котором ездил вчера. Максу я так и сказал — мол, хочу ещё раз проверить работоспособность, чтобы убедиться, что всё в порядке.

Я шагнул в кабину лифта, нажал кнопку. Массивные двери бесшумно сошлись, и лифт устремился вверх. Слух, напряжённый до предела, не улавливал ничего подозрительного. Всё было в полном порядке. Я разочарованно выдохнул.

Скользнув взглядом по индикатору этажей, я замер. Как только он показал пятнадцатый — возник шум. Неужели снова? Но на этот раз всё было иначе. Словно нарастающий гул реактивного двигателя, к которому вскоре присоединился металлический скрежет, от которого по коже побежали мурашки.

Внезапно звуки стихли, сменившись резким, глухим толчком. Меня подбросило вверх, внутренности сжались в тугий узел. Потеряв равновесие, я лихорадочно пытался ухватиться за что-нибудь, но тело не слушалось, каждая мышца окаменела в панике. Мокрые ладони соскользнули с поручня, и я рухнул на пол.

Светодиодная лампа на потолке судорожно моргнула несколько раз и погасла.

Меня поглотила тьма. Только тишина и прерывистое, тяжёлое дыхание. Я знал, что сейчас должна загореться аварийная лампа, и сверлил взглядом темноту. Время растянулось, но вот пространство наконец залилось зловещим багровым светом, в котором едва угадывались очертания кабины.

Индикатор этажей показывал цифру «16». На автомате я ждал смены показаний, но ничего не происходило. Сердце заколотилось чаще. Похоже, я застрял. Поднявшись, я отряхнулся и несколько раз ткнул в кнопку своего этажа. Я знал, что это бесполезно, но продолжал жать на неё с одержимостью.

Внезапно я осознал: в этом строящемся здании нет лифтов. Никто не придёт на помощь. Подобного опыта у меня не было никогда, и живот скрутило от волнения. Я понимал, что это маловероятно, но лихорадочная мысль сверлила мозг: «А что, если про меня забудут? Никто не узнает, что я здесь, и я просто умру от голода и жажды?»

Спокойно. Нужно взять себя в руки.

Я сделал несколько глубоких вдохов и достал телефон. На экране, на панели сети, светился предательский крестик. Ну вот, пожалуйста. Тот самый провал. Теперь и я столкнулся с этим лицом к лицу. Какое очарование, что именно в этот момент...

Я закричал, начав стучать по стенке в надежде, что кто-нибудь снаружи услышит. Упорно продолжал несколько минут. В горле пересохло, и я замолчал. Очевидно, этажи были пусты.

Внутри стало душно и жарко. Я снял жилет и постелил его на пол. Уселся, скрестив ноги, пытаясь унять мысли, лихорадочно скачущие в голове. Нужно было просто ждать. Меня спасут. Должны были спасти.

Логика подсказывала: лифт застрял из-за сбоя питания. Вероятно, произошёл скачок напряжения и сработала аварийная система. Стандартная история. На стройке вечно щёлкают рубильники, подключают сварочные аппараты, вызывая просадки. Система должна самотестироваться и через... ну, минуты три... попробовать перезагрузиться автоматически. Или при восстановлении стабильного напряжения. Это просто вопрос времени. Надо ждать... Я пони-

мал, что, скорее, успокаиваю себя. Уже прошло достаточно времени, а ничего не происходило. Но надежда всё ещё теплилась.

А если это не локальный сбой, а общее ЧП на стройке? Короткое замыкание в щитовой, не дай бог, пожар... Автоматы выбило, и тогда я здесь надолго. Но нет, должен быть резервный генератор для систем безопасности. Он должен был запуститься... если его, конечно, уже смонтировали...

Поднявшись на ноги, я начал судорожно ходить из стороны в сторону. Благо, площадь кабины это позволяла. Пару шагов в одну сторону, пара — в другую... Ходьба всегда мне помогала... Я обожаю ходить.

Стоп. Вдруг я понял, что делаю полнейшую ерунду. Впустую трачу энергию. Я замер на месте. Ноги дрожали, и дышать стало труднее. Что-то было не так.

Я снова достал телефон, включил фонарик, который с непривычки больно ударил по глазам. Направив луч света на потолок, я принялся искать щели вентиляции. Страшная догадка терзала разум, и я отчаянно надеялся, что ошибаюсь. Рука застыла перед щелью. Воздух не поступал.

Внутри всё оборвалось в тишине.

Какая-то ерунда... Не может этого быть. Я силился понять, но рационального объяснения просто не было. Если только... если только в этих чёртовых навороченных лифтах какая-то продвинутая система фильтрации, и она остановилась вместе со светом...

Первым порывом было закричать что есть силы, долбить по стенке, чтобы кто-нибудь услышал. Хоть «кто-нибудь»... Это была единственная надежда, последний шанс. Но я оставил себя. Очевидно же: я потрачу ещё больше кислорода. Такого необходимого сейчас.

От осознания собственного бессилия у меня подкосились ноги. Я опустился на пол, прислонившись спиной к холодной стене лифта. Дышал глубоко и медленно, пытаюсь унять панику и не растрачивать драгоценный кислород впустую. Мысли поутихли, но легче не стало. Теперь я со всей отчётливостью понимал, как умру.

Внутренний лифт на стройке редко используется. Его никто не ждёт ни наверху, ни внизу. Если это клин или обрыв троса — а странные звуки, что я слышал, могли говорить именно об этом, — то потребуется команда монтажников. Они пойдут в машинное отделение, станут вручную, медленно отъезжать лебёдкой, пытаюсь вывести кабину с клина. Потом отвезут на этаж. Это займёт часы. Кабина, конечно, просторная, но, учитывая, сколько кислорода я уже сжёг по глупости, протяну я от силы час.

Я начал размышлять о самых абсурдных и худших вариантах своей смерти. Если моего отсутствия никто не заметил, то хватятся меня, вероятно, лишь к концу смены. Дежурный поздно вечером обнаружит, что такой-то зашёл утром, но не вышел. Они начнут искать и найдут мой окоченевший труп. Просто отличная работа мне подвернулась.

Меня вдруг разобрал нервный, надсадный смех. Я пыжился, пытаюсь сдержаться, чтобы не расходовать воздух лихорадочными сокращениями грудной клетки, но ничего не вышло. В итоге я сдался и дал себе посмеяться вдоволь. Возможно, в последний раз...

Прошло достаточно времени, чтобы смириться с участью. Единственное, о чём я теперь думал, — продержаться чуть дольше. Не сдаться на блюдечке с голубой каёмочкой, а сделать так, чтобы сама судьба поперхнулась, едва приступив к трапезе. Надежда теплилась где-то в сумеречной дали — такой же серой и безвоздушной, как кабина этого чертовски современного лифта. Мне до одури опостылел этот давящий красный свет, от которого я, словно бык на тряпку, свирепел с каждой секундой. Хотелось найти виновных — тех сволочей, что додумались до этой дурацкой системы вентиляции...

Я поднял глаза, чтобы в последний раз взглянуть на потолок, и... меня осенило. Люк! Как же я раньше не догадался?

Вскочив на ноги, я попытался выдавить крышку наружу, но она была намертво заперта. Должен быть запорный механизм... Рычажок, кнопка, задвижка.

Я выхватил отвёртку из-за пояса и лихорадочно принялся просовывать её жалом в узкую щель по периметру люка. Плечи затекли, и я попеременно работал то правой, то левой рукой. Жара в кабине стала невыносимой. Пот заливал глаза, дышать было всё труднее, но я, словно одержимый, методично водил отвёрткой по краю. Возможно, он просто защёлкнулся... Дрожащими от напряжения руками я нащупал в сумке что-то острое и более тонкое — складной нож. Лезвие скользнуло в щель куда свободнее. В отчаянии я стал бить им по крышке изо всех сил.

Время утратило всякий смысл. Я давно потерял счёт минутам, может, и часам. И вот, после нечеловеческих усилий, свершилось. Крышка с глухим стоном откинулась, и в кабину ворвался спасительный поток воздуха.

Я вдыхал его с животной жадностью, наполняя лёгкие этим опьяняющим наркотиком свободы. В глазах потемнело от натуги, но, вцепившись обеими руками в холодные края люка, я повис на нём, удержавшись на грани обморока.

Мысль — дерзкая, ослепительная — озарила сознание: нужно вылезти, добраться до выхода. Инструмент поможет отодвинуть двери шахты. Я выберусь из этой западни.

Я вцепился в металл крепче и попытался подтянуться. Это оказалось невыносимо тяжело. Руки тряслись от истощения, ноги скользили, не находя опоры. От дикого напряжения и адреналина колени подгибались, как тростинки на ветру. Но волю мою было не сломить. Спустя несколько мучительных минут, ободрав ладони, я всё же вывалился наружу.

Я выпрямился во весь рост, расправил онемевшие плечи. В кабине тоже можно было потянуться, но только здесь, сбегав из стальной клетки, я ощутил себя по-настоящему свободным. И — счастливым.

«Теперь дело за малым», — умирил я внутреннюю дрожь, прекрасно понимая, что самое трудное — впереди. До выхода на этаж — метров двадцать, не меньше. Предстояло вскарабкаться по направляющим: узкому, скользкому, Т-образному рельсу. Путь казался невозможным. Но иного выхода не было. Сидеть и ждать — хуже. Найдут меня через часы, а может, и дни.

Я прижался к холодной, шершавой бетонной стене, нащупал грубую поверхность рельса. Металл был покрыт толстым слоем масла и грязи — ухватиться невозможно. К счастью, перчатки были со мной. Обхватив рукой полку шириной с ладонь, я поставил ногу на крошечный выступ кронштейна — жалкую горизонтальную площадку. В другой обуви упор был бы надёжнее, но в своём рабочем ботинке я мог опереться лишь самым краем носка. Собрав волю в кулак, я оторвался от земли. Мышцы на ноге взмолились от боли, но — получилось.

Сделал пару шагов вверх. Перчатки мгновенно почернели от пыли и масла, едкая жижа брызнула в глаза и на губы. Я откашлялся, выплюнул горечь и пополз дальше. Шаг за шагом, сантиметр за сантиметром. Метра два за несколько вечных минут. Я снова взглянул вверх. Сквозь пелену заливающего глаза пота двери шахты казались недосягаемой вершиной Эвереста. Но я продолжал ползти, ведомый слепым инстинктом жизни.

Внезапно раздался резкий металлический скрежет, от которого кровь стынет в жилах.

Я замер, поняв всё, и бросил взгляд вниз. Каретка троса содрогнулась и рванула в движение. В лифте вспыхнул свет, и окошко люка стало стремительно уменьшаться, уносясь в чёрную бездну. Почему именно сейчас?!

Мысли слились в один ясный приказ: действовать! Не раздумывая, я разжал закованные пальцы и прыгнул вниз.

Я пролетел, наверное, метров пять, прежде чем ноги с оглушительным лязгом врезались в твёрдый металл крыши. Потеряв равновесие, я на автомате вцепился в первое, что мелькнуло перед глазами, — в движущийся трос. Хорошо, что перчатки были на руках. Ткань мгновенно

разлетелась в клочья, прежде чем я сумел отдернуть ладонь и найти точку опоры. Обжигающая боль пронзила ладонь, и я судорожно взглянул на кожу. Крови, к счастью, не было.

Лифт не останавливался, и первой мыслью было спрыгнуть в кабину. Но затем я вспомнил бешеную скорость его движения, свой предыдущий прыжок — и оставил затею, решив дождаться, когда кабина остановится. Похоже, она шла в самый низ. Судя по давлению в ушах и счёту секунд, я проехал уже этажей десять из шестнадцати.

И вот наконец лифт замер.

К счастью, наученный горьким опытом, я в этот момент уже сидел на корточках, вцепившись в края люка для равновесия. Поэтому всё обошлось — я не упал.

Глядя вниз через отверстие, я увидел, как распахнулись двери и в кабину вошёл человек в рабочем комбинезоне и оранжевой каске. Увидев висящую крышку люка прямо перед собой, он замер и поднял глаза. Навстречу его изумлённому взгляду смотрел я.

Спрыгнув внутрь, я осмотрелся. В дверях стояло несколько человек, молча уставившихся на меня вытаращенными глазами. Схватив с пола светоотражающий жилет, я отряхнул его и прошмыгнул мимо, бросив короткое: «Извините».

Судя по всему, я оказался на первом этаже. Останавливаться и что-то объяснять я не стал, но, уходя, успел услышать обрывок разговора — нечто такое, что удивило меня, хотя, казалось бы, в тот момент мало что могло меня потревожить.

— Вот те на... Видали? — спросил один из рабочих. — Техник, похоже, новый.

— Ага, — усмехнулся другой. — Ещё больший чудака, чем прежний.

— Тоже, похоже, ищет себе приключений на... голову, — донёсся третий голос. — Тот-то добежался. После того, что с ним в подвале случилось, даже не знаю, как руководство стройку не прикрыло...

Двери захлопнулись, а я так и остался стоять, будто прилипший к стене, за которой только что подслушивал.

Мой разум переполняли мрачные догадки, а душу рвало изнутри от нахлынувших, давно незнакомых эмоций. Здесь что-то произошло. Мои подозрения насчёт этой стройки меня не обманули. Проклята ли должность второго техника или нет — но так уж вышло, что теперь она моя. И я должен выяснить, что случилось с моим предшественником, во что бы то ни стало.

Глава 5

Слова рабочих плотно засели у меня в голове. К сожалению, когда я спохватился и рванулся вдогонку, чтобы разузнать подробности, они уже растворились в потоке десятков других работяг в одинаковых спецовках. Но, к счастью, память на лица у меня цепкая — хватило мимолетного взгляда, чтобы приметить кривой нос с горбинкой и тонкий шрам над глазом одного из них.

Попытка вытянуть что-нибудь у Макса не увенчалась успехом. Он больше переживал, что я едва не погиб в лифте. Посоветовал поспрашивать на пятом этаже, там, где они вышли. Будто я сам не догадался бы. Правда, он метко подметил одну вещь: даже если кто-то их и видел, то не станет болтать с новичком, чьё лицо ещё не запомнилось. Особенно в рабочее время.

И тогда в голову пришло очевидное решение: выследить их у проходной перед началом смены. Я пришёл на полчаса раньше и бродил неподалёку, пристально всматриваясь в каждого подходящего. Одному из охранников это явно пришлось не по душе, и он всё это время так же пристально, без тени одобрения, вглядывался в меня, видимо, заподозрив недоброе. В итоге те самые трое, один из которых был со сломанным носом, подошли ровно к моему обычному времени. Даже обидно стало — полчаса простоял впустую, только нервы измотал и себе, и бедняге-охраннику.

Я пристроился в хвост их маленькой группы на проходной. Охранник, увидев мой пропуск, наконец ослабил бдительность и даже кивнул: «Приятного дня». Я ответил тем же и, догнав троицу по пути к бытовкам, поравнялся с ними шаг в шаг. Мужчины с немимым удивлением уставились на незваного попутчика, вклинившегося в их компанию.

— Здорово, мужики, — протянул я руку, но мой жест не встретил ответного движения. — Вы, может, меня не помните...

— Так ты ж попрыгун! — перебил мужчина с обветренным, словно высеченным из кожи лицом и колючей бородашкой. — Тот, что вчера из люка вывалился!

— Ага! — подхватил второй, тот, что с примечательным носом. — Я, говорит, рожу знакомую вижу, а вспомнить не могу! Ты, братан, конечно, молодец знатный! — он вдруг нахмурился, сменив тон. — Сбежал, а мы потом люк за тобой заделывали! Думаешь, это легко? Минут десять провозились! Ты, видно, когда лазил, фиксатор намертво сломал!

В этот миг меня осенило, почему я их не нашел. Увидев, что лифт поднялся на пятый этаж, я рванул вверх по лестнице, избегая повторной поездки. Стрёмно было. Я носился по этажу, словно идиот, выискивая их, а они, оказывается, всё это время были в лифте, заделывая за мной люк.

— Прошу прощения за доставленные неудобства, — выдавил я. — Так вышло, что я случайно подслушал ваш разговор о прежнем технике. Вы сказали, будто с ним что-то случилось. Это так?

Трое мужчин рассмеялись. Затем тот, с бородой, сказал:

— Это у Валерки нашего нужно спрашивать! — он с улыбкой посмотрел на самого молодого из них. Невысокого, черноволосого парня лет тридцати, с хмурым лицом, сутулого, с головой, настолько втянутой в плечи, будто шеи у него и вовсе не было. — Это он нам всё рассказал.

Валерка, похоже, не горел желанием общаться со мной, как и, впрочем, с большинством людей. Когда я посмотрел на него в ожидании, он смутился, потупил взгляд и произнёс тихим, сиплым голосом:

— Помер он. Вот что случилось. В подвале работал, а потом дежурный обход делал вечером и нашёл его тело.

— Интересно, почему тогда никто об этом не знает? — спросил я, не скрывая подозрения.

— Потому что никому не сказали, — ответил Валерий обиженным тоном. Ему явно не понравилось, что я подверг сомнению правдивость его слов. — Руководство в курсе, уж поверь. Решили по-тихому всё проверить, чтобы разбирательств не было. Не знаю, как они это сделали... Скорая точно приезжала. Это я знаю наверняка.

Всё это начинало походить на параноидальный бред. Вот-вот, казалось, он скажет, что здесь тайное общество масонов собрания свои проводит и потому они решили несчастного свидетеля убрать.

— Хорошо, — я кивнул. — Допустим, начальство сей факт сокрыло. Но ты-то откуда всё это знаешь?

Мы подошли к общей бытовке. Двое моих спутников зашли внутрь, а Валерий, оглядевшись, вдруг схватил меня за плечо и отвёл в сторону.

— Я на похоронах его был, — прошептал он. — Дядя Лёша мне родственник. Не знаю, как это правильно называется... В общем, его жена — тётка моей жены. Так вот, она ещё до похорон звонила, вся в слезах, рассказала, что случилось. Вроде как ничего толком ей врачи не сказали: то ли удар током, то ли отравление какое-то.

— Как это? — удивился я. — Как врачи не знают причину смерти? Если удар током, то должны быть ожоги, сердце могло разорваться. А если отравление, то следы яда в крови... Да и чем тут можно отравиться? Водкой, если только...

— Не верь слухам, — Валерий покачал головой. — Не пил он так сильно и по бабам не ходил. Мужик хороший был, добрый. Я, конечно, не такой умный, как ты, не знаю, как там должно быть... Но факт есть факт: врачи точно не знают. Или скрывают что-то.

Я поблагодарил его за столь откровенный рассказ, и мы разошлись по своим шкафчикам.

Чуть погода подошёл Макс, и я пересказал ему всё, что услышал. Он отмахнулся: мол, Валерка, скорее всего, просто врёт. Решил подкинуть дровишек в топку слухов и заодно привлечь к себе внимание. Но мне так не показалось. На безумца он не был похож, да и рассказал он только своим друзьям.

История казалась мне интересной по двум причинам. Во-первых, само сокрытие смерти руководством. Выглядело это до жути цинично, хотя и вполне объяснимо. Герман Львович упоминал о сжатых сроках завершения работ, и гибель человека на стройке могла бы этому помешать. Вторая же причина крылась в весьма неопределённых обстоятельствах самой смерти. Мне не удавалось уложить в голове, как врачи могут не знать, от чего умер человек. Либо же, как предположил Валерий, они что-то скрывают, и тогда у руководства действительно была мотивация оставить всё в тайне.

Мне следовало спуститься в подвал в надежде отыскать там ответы. Увы, времени на это катастрофически не хватало. Следующие несколько дней пролетели в непрерывной череде рутинных задач и аварийных ситуаций. То трубу прорвёт, то кабель оборвётся — стандартный набор халатности и непредвиденных сюрпризов любой стройки. Но я не терял надежды, зная, что рано или поздно благоприятная возможность непременно подтвердится.

Помимо этого, не прекращались мелкие странности — те самые призрачные явления. Зная, что здесь это в порядке вещей, я не спешил поднимать шум, предпочитая выжидать. Эта тактика, как ни странно, работала, и я постепенно смирился, как и Макс. Никогда бы не подумал, что начальство, да и все остальные, способны так запросто закрывать глаза на нарушения в работе техники, особенно на стройке, где, казалось бы, царят инженерная точность и строгие производственные стандарты.

Однажды мне наконец повезло: я подслушал, как Герман Львович отправляет Макса в подвал для сверки фактического расположения труб отопления с исполнительной документацией. Задача эта была весьма рутинной и требовала дотошности, и я знал, что Макс не откажет,

если я предложу ему поменяться со мной. Как и ожидалось, он согласился. Герман Львович сначала удивился такому моему рвению, но, пожав плечами, переслал мне на планшет файл с планом коммуникаций.

Завершив основные работы после обеда, я спустился вниз. Дверь в подвал оказалась неприметной: обычная металлическая, с простейшим замком, скрытая за строительными материалами у дальней стены первого этажа. Путь вниз преграждала временная лестница, чьи шероховатые бетонные ступени вели в сумрачное нутро подвала. Лестничный пролёт был ограждён лишь с одной стороны тонким, холодным на ощупь металлическим поручнем, от которого пробегал озноб.

Спустившись, я замер. В лицо ударил влажный, прохладный запах земли и бетона. Единственным источником света была тусклая, словно угасающая, лампочка. Включив налобный фонарь, я направил его луч в темноту, выхватывая знакомый пейзаж недостроенного мира: холмы из цемента, мешки с песком, переплетения арматуры и бесформенные клочья утеплителя.

Двигаясь вглубь, я оставлял позади призрачные отзвуки стройки, уступая место гулкой тишине. Каждый мой шаг, отражаясь от неоштукатуренных стен, отдавался эхом в ушах.

Вдоль стен, словно толстые кровеносные сосуды, тянулись трубы, обёрнутые в зелёную изоляцию. Они обвивали потолки и сплетались в узлы. Это и была моя цель — их нужно было сверить со схемой. Над головой громоздились воздуховоды из грубо сколоченного листового металла, создавая ощущение техногенного лабиринта. В недрах стен застыли бетонные опоры, поддерживающие перекрытия, а у самого края видимости, в полумраке, пульсировала насосная станция, отбивая свой ровный ритм.

Достав из сумки планшет, я включил экран и после непродолжительных поисков нашёл нужный файл. Я взялся за первое, что было указано у входа. Методично, как меня учили, я водил пальцем по экрану, сверяя нарисованные линии с реальностью.

Я шёл вдоль стены, когда вдруг, словно из ниоткуда, возник человек, напугав меня.

Это был рабочий лет сорока, в спецовке, сильно испачканной цементом. Он шёл неспешным, будто бы уставшим шагом, неся в руках ведро.

— Здорово, — буркнул он.

— Привет, — отозвался я, стараясь скрыть охватившее меня внезапное смущение.

— Опять эта вонь стоит, — бросил он, даже не притормозив. — Каждые несколько дней, как по расписанию. Хоть противогаз надевай.

Его слова насторожили: о какой ещё воню он говорит? Я бывал в подвалах и раньше, единственный запах, который я ощущал, — это цемент, земля и пыль, то же, что я чувствовал и сейчас. Возможно, какая-то утечка? Но он сказал, что это происходит периодически, значит, причина не в этом. Мне стоило огромных усилий заставить себя продолжать работу, а не броситься на поиски источника.

Почти полчаса мой путь пролегал по коридору с трубами вдоль стены. Спина и руки начали неметь, а глаза наполнялись слезами от едкой пыли и вечного напряжения, царившего в полумраке. И, как назло, несмотря на теплую майскую погоду снаружи, здесь, под многометровой толщей бетона и земли, куда не проникал ни единый луч света, меня сковал ледяной холод.

Решив, что с меня хватит, я прервал своё занятие, отправившись на прогулку, чтобы согреться.

Впереди коридор разветвлялся, и из одного из проходов лился более яркий свет. Я свернул туда и оказался в другом тоннеле, где лампы висели через каждые два-три метра. Наконец-то можно было выключить фонарь и дать глазам отдохнуть.

Буквально за поворотом мелькнуло какое-то помещение, и я, охваченный любопытством, заглянул внутрь. Передо мной предстал главный распределительный щит — массивный метал-

личный шкаф размером с целую стену. От него в потолок и вдоль стен уходили толстые жгуты кабелей в гофре и лотках. Воздух вибрировал от низкого гудения трансформаторов.

Дверцы щита были распахнуты, и рядом, погружённые в работу, стояли двое электриков, судя по всему, подключавшие новые линии. Их взгляды на миг остановились на мне, но я тут же отступил и продолжил свой путь по коридору.

По пути мой взгляд случайно зацепился за помещение водомерного узла, забитое счетчиками, фильтрами и небольшим баком с водой. Чуть дальше обнаружилась мастерская, где пара рабочих, погружённых в свои инструменты, окинула меня быстрым взглядом, прежде чем вновь уткнуться в дело. Никогда прежде я не видел подвалов столь необъятных. Казалось, это целый отдельный мир, живущий по своим, неведомым законам, а редкие люди, встречавшиеся мне, были лишь молчаливыми, мрачными обитателями этого подземного царства.

Коридор привёл меня в тупик, где я, не обнаружив ничего примечательного, кроме грязи, мусора и луж, образовавшихся от капли с труб, ещё раз внимательно изучил схемы трубопровода и с досадой понял, что застрял здесь всерьёз и надолго. Нужно было работать, чтобы не растягивать это сомнительное удовольствие на два дня.

Внезапно я осознал, что в пылу радости от полученной возможности совершенно не заметил искреннего ликования на лице Макса, которое, как я вспомнил, явно зажглось на нём. Да и удивление Германа Львовича, когда я предложил свою кандидатуру, говорило само за себя.

Я развернулся, собираясь вернуться, как вдруг почувствовал нечто странное. Тот самый запах, о котором толковал рабочий.

Основу его составляло нечто похожее на жжёную пластмассу с оттенками перепревшего мёда или горького миндаля. Химически-сладковатое, но отталкивающее. На фоне этого явственно ощущался лёгкий привкус озона, словно после грозы, и затхлая плесень. Сначала запах казался необычным и даже интригующим, видимо, из-за своей уникальности. Но чем дольше я вдыхал его, тем яснее понимал реакцию рабочего. Это была настоящая, противная вонь, которая, казалось, проникала через носовые рецепторы прямо в мозг, вызывая неопишемое отвращение.

Сдерживая рвотный позыв, я начал искать источник этого мерзкого смрада. Оказалось, исходил он из неприметной вентиляционной решётки, расположенной в полу у глухой стены. Оттуда запах шёл ощутимо сильнее. Заглянув внутрь с фонариком, я увидел, что решётка ведёт не в вентканал, а в узкую техническую нишу между плитами перекрытия.

Не в силах больше терпеть этот запах, я поднялся на улицу, вдохнув воздух, который показался невероятно свежим и прекрасным, несмотря на пыль и запахи масла. По сравнению с тем, что творилось в подвале, это была настоящая манна небесная.

Любопытно, что же там такого в этом техническом канале у глухой стены? Внутри точно ничего не может быть. Судя по схеме коммуникаций, трубы в этом месте заканчиваются и к самой стене ничего не подходит. Но при этом углубление под ней зачем-то есть.

Вернувшись вечером домой, я с головой окунулся в интернет, пытаясь найти информацию о тревожащем меня запахе.

Сеть предлагала разрозненные сведения о каждом из компонентов, но ни слова об их причудливой комбинации. И даже в этом случае оставалось загадкой, как эти вещества могли оказаться там, где я их почувствовал. Неужели мне просто почудилось? Ведь моё восприятие, как и любое другое, не безупречно.

Тогда я переключил своё внимание на причины появления запахов в подвалах крупных зданий, преследуемый догадкой, которую отчаянно хотелось опровергнуть. Увы, мои худшие опасения подтвердились.

Все нити вели к химическому загрязнению почвы под зданием. На месте стройки, несомненно, когда-то располагалась промышленная зона: завод, химчистка или автозаправочная станция. Хлорорганические соединения, фенолы, тяжёлые металлы — всё это осталось в земле.

При рытье котлована под воздействием высокого уровня грунтовых вод эти вещества растворились, образовав ядовитый «рассол», скопившийся в затопленной зоне под фундаментной плитой. Бактерии, питающиеся этими химикатами, выделяют газы. Сочетание этих газов и рождало тот самый, преследующий меня запах.

Постепенно мозаика складывалась, обретая смысл. Предыдущий техник, вероятно, проводивший в подвале слишком много времени, либо получил хроническое отравление нервно-паралитическими токсинами. Это могло привести к сердечному приступу или отёку лёгких. Возможно, он пролежал там достаточно долго, чтобы следы вещества в крови выветрились и причины смерти оказались неочевидны. Эта теория, конечно, не объясняла, почему врачи склонялись к версии поражения электрическим током, но, возможно, родственники техника что-то не так поняли. В целом же картина выглядела довольно логичной.

Неужели никто до сих пор не видел очевидного? Здание строится уже несколько лет, следовательно, если я прав, запах должен был проявиться ещё на начальных этапах стройки. Но никто ничего не заметил.

Или, что вероятнее, не захотел замечать. К началу строительства, вероятно, уже было слишком поздно заниматься очисткой, а вложенные средства были колоссальны. Поэтому руководство, стремясь избежать остановки строительства, всё это время скрывало, что под зданием таится химическая угроза, смертельно опасная как для работников, так и в будущем для всех сотрудников офиса.

Глава 6

Утром мы с Максом, как обычно, встретились в раздевалке. Он начал расспрашивать, как прошел мой вчерашний день в подвале, но я не стал вдаваться в подробности и делиться своими догадками.

Я решил, что у меня пока слишком мало доказательств, и не хотел, чтобы он счел меня чудачком — таким же, каким, по моим предположениям, он считал прошлого техника. Макс никогда не говорил об этом напрямую, но это чувствовалось в его отношении и в том, как он обычно о нем отзывался. Поэтому я лишь коротко обрисовал ситуацию: мол, задача оказалась неожиданно объемной и сегодня придется продолжить. Макс, хоть и старался не подавать виду, еле заметно улыбнулся, видимо, посчитав наше соглашение весьма удачным для себя.

На этот день мне была поручена задача попроще – проверка напряжения на десятом этаже. Герман Львович, надо полагать, был уверен, что с отоплением я провожусь как минимум до обеда. Он, судя по всему, не разделял моего темпа работы и явно выразил сожаление, что не оставил этот участок Максу. Слова эти, безусловно, кольнули, но я сумел обуздать волну раздражения. Ведь, будь моя голова занята не той загадкой из подвала, я бы давно закончил в срок.

Получив список задач, Макс остановился у входа в бытовку, очевидно, ожидая меня. Я жестом дал понять, что задержусь. Он удивился, но, пожав плечами, ушел без меня.

Герман Львович сидел за столом, углубившись в подписание бумаг. Я подошел и замер рядом, стараясь не прерывать, как мне казалось, важную работу, и терпеливо ждал, когда он закончит и сам обратит на меня внимание.

— И что? — Герман Львович не поднял головы, продолжая выводить что-то на бумагах. — Так и будешь там стоять?

— Прошу прощения... Не хотел вас отвлекать.

— Пустяки. Я, знаешь ли, способен на многозадачность. Как сам Юлий Цезарь.

Эта байка про Цезаря преследовала меня с детства. Ее любили рассказывать те, кто мнил себя вершиной эволюции за то, что мог говорить по телефону и одновременно писать. Нелепое достижение, право слово. Я хотел быть с ним вежливым, а в ответ получил очередную демонстрацию его превосходства.

— Тем лучше, — кивнул я, стараясь не выказать досады. — Позвольте тогда перейти к делу, ради которого я, собственно, и задержался. Мне нужны полные чертежи здания. Где я могу их получить?

Герман Львович замер, его взгляд впился в меня, словно пытаясь прожечь насквозь.

— Что значит «получить чертежи»? — переспросил он с явным удивлением. — Это один из основополагающих документов проекта. Доступ к ним строго регламентирован.

— Прошу прощения... — я постарался сдержать раздражение. — Быть может, удастся хотя бы сделать копию? Или сфотографировать?

Он расхохотался:

— Копию? Вот это ты придумал... К ним допускается лишь узкий круг лиц: архитектор, владельцы и высшее руководство проекта. К которому ты, Горин, не принадлежишь. Какого черта они тебе понадобились? — его голос повысился. — Может, промышленным шпионажем решил заняться?

— Что вы, Герман Львович... Если бы я преследовал такие цели, то присоединился бы к проекту гораздо раньше. Ведь на данном этапе строительства похищение чертежей — дело абсолютно бессмысленное.

Он нахмурился, взгляд его стал еще более пристальным. Мое дерзкое заявление явно не пришлось ему по вкусу.

— Так зачем они тебе тогда нужны? — спросил он тише, но в его тоне слышалась давящая сила.

С таким отношением я понимал: чертежей мне не видать, если я буду увиливать. Придется рискнуть и озвучить истинную причину.

— Вчера, во время проверки отопления в подвале, я уловил странный, резкий запах — смесь плесени и чего-то химического. Суть в том, Герман Львович, я считаю, что под зданием находится некий источник заражения. И если мы не займемся этим вопросом сейчас, может быть поздно. Погибнут люди.

Он долго и пристально изучал меня ошарашенным взглядом, явно пытаюсь понять, шучу я или говорю всерьез. Эта реакция навела меня на мысль, что он либо не в курсе происходящего, либо искусно играет свою роль.

— Ты издеваешься надо мной, Горин? Я для чего тебя в подвал отправлял? Чтобы ерундой всякой страдать?

— Это не ерунда, — ответил я с полной серьезностью в голосе. — Я абсолютно уверен, что там что-то есть.

— И как ты это понял? — он начал сердиться. — Запах какой-то унюхал?

— Этот запах — не моя выдумка, если вам угодно знать. Многие работники уже давно его чувствуют и жалуются.

— Неужели?! — разгневался главный инженер. — Запах в подвале?! Как необычно! Займись уже делом, Горин! У нас сроки, а ты задачу, рассчитанную на один день, растягиваешь на два! А я-то всё думаю, чем он там так долго занимается?! Запах, видите ли, нашел! Да еще наглости хватается чертежи требовать! Не положено, ясно?! Запомни мои слова, Горин: еще раз придеешь ко мне с подобной ерундой — уволю к чертовой матери!

Неожиданная вспышка гнева начальника выбила меня из колеи. Я застыл в замешательстве, не зная, что ответить на такой выпад. Сбежать — значит показать себя трусом. Рассыпаться в извинениях? Но я не считал, что вина на мне. Честно говоря, такое поведение совершенно неподобающе для главного инженера. Будь я на его месте, я бы как минимум расспросил о подвале подробнее. Неужели ему совсем неинтересно?

Герман Львович, закончив свой гневный монолог, тяжело отдышался и, смахнув капли пота со лба, уже спокойнее произнес:

— Надеюсь, ты меня понял. А теперь иди работать. Нам предстоит многое успеть.

Не поднимая глаз, я быстро кивнул и пулей вылетел из бытовки.

После такого стало очевидно: Герман Львович что-то скрывает. Либо так, либо он просто некомпетентен, раз не в курсе происходящего на собственной стройке. Он же должен постоянно осматривать территорию, следить за порядком. Рабочие из подвала наверняка рассказали бы ему про странный запах.

Помнится, после случая с Федором Воронцовым я обещал себе действовать аккуратнее. И куда это меня привело? Я подошел к самому краю еще ближе. Такими темпами и до конца весны не продержусь. А эта чертова стена все не выходит из головы. И решетка... Смогу ли я туда пролезть?

Я спустился в подвал и проработал около часа, прежде чем любопытство снова погнало меня к тому самому тупику.

По пути я постоянно принохивался, пытаюсь уловить вчерашний запах. Странно, ведь я почувствовал его только у самой решетки, а первый же встреченный рабочий уверял, что тоже его чуял. Значит, он работал где-то поблизости? Или же утром запах был сильнее, а к вечеру, когда я спустился, уже выветрился? Последнее делало его происхождение еще более таинственным — затопленная ниша с химикатами так себя не ведет.

От этого подвала веяло тревогой. Было в нем что-то нетипичное для стройки, что-то неправильное. И пока я шел к тупику, это чувство только усиливалось. Запаха не было. Совсем. Даже у решетки.

Словно ищейка, я ползал на четвереньках, втягивая носом холодный, пыльный воздух. Минут пять, не меньше. Ничего. От усердия даже в носу закололо. Опять гребаный призрак? Какого черта здесь вообще творится?

Запах, который то появляется, то исчезает... Какое-то безумие. Единственное логичное объяснение — его появление связано с работой неких систем в здании. Системы включаются — запах усиливается, выключаются — исчезает. Но что это за системы, которые работают с перерывами? Здесь логика и здравый смысл пасовали.

Решетка была привинчена намертво. Подходящую отвертку я, при желании, раздобуду, но вот пролезть внутрь — вряд ли. На вид всего тридцать на пятьдесят сантиметров. В одежде и снаряжении я точно не протиснусь. Не голым же туда лезть, в полную неизвестность?

Мало того что начальство считает меня бездарем, так я еще и сам себя выставил полным идиотом. Поднял панику, нагородил теорий, напридумывал всякого... В сердцах я саданул кулаком по стене.

И тут же замер.

Звук был совсем не тот, что я ожидал. Глухой, пустой. Я простучал стены коридора, приведшего меня сюда, — они отзывались плотным, звонким стуком, за которым чувствовались десятки сантиметров бетона. Но стена в тупике звучала иначе. За ней явно что-то скрывалось.

В старом здании, где планировку меняли по десять раз, это было бы в порядке вещей — замурованный проход или старое помещение. Но это новостройка! Здесь всё просчитано заранее. Зачем понадобилось возводить фальшстену? Что они хотели скрыть?

Как же нужны чертежи здания... Герман Львович высказался предельно ясно, но, будь у меня отношения с начальством хоть чуточку лучше, я бы их достал. Увы, с этим у меня всегда были проблемы. Изображать дружелюбие, заискивать перед важными шишками? От одной мысли тошнит. Теперь-то меня к чертежам и на пушечный выстрел не подпустят. Хотя бы одним глазком взглянуть...

Я достал телефон, чтобы позвонить Макс, но, как и ожидалось, сети не было. Случись что — и будешь помирать в одиночестве, как тот техник до меня. Может, он потому и погиб, что не смог позвать на помощь? По спине пробежал холодок. Пора выбираться отсюда.

Я решил подняться к Макс на двадцатый этаж. Он работает здесь почти с самого начала — вдруг видел, где Герман Львович хранит документацию. Может, удастся стащить чертежи на пару минут, сфотографировать. А если есть электронная версия — это вообще джекпот.

Двадцатый этаж оказался огромным пространством, занимавшим всю площадь здания, — эдакий «завиток от бублика» в этой спиральной башне. Панорамные окна во всю стену, в центре — каркасы будущих декоративных фонтанов. Видимо, здесь планировалась зона отдыха.

Воздух дрожал от визга шлифмашинок, стука молотков и громких криков. Отделочные работы шли полным ходом. Пробираясь сквозь этот хаос и вдыхая строительную пыль, я наконец заметил Макса — он проверял недавно установленные дымоуловители.

Стараясь никому не мешать, я аккуратно лавировал между рабочими, но внезапно выскочивший из-за угла человек заставил меня отшатнуться. Я потерял равновесие и наступил куда не следовало — то ли в кучу цемента, то ли на стопку плитки, подготовленной к укладке. Ногу я отдернул так быстро, что даже не успел рассмотреть.

— Эй! Смотри, куда прешь! — раздался до боли знакомый голос.

Я вздрогнул и поднял глаза. Это был тот самый отделочник, что подкалывал меня в первый день в лифте. Его фирменная недельная щетина была на месте. Интересно, он всегда так выглядит?

— Прошу прощения... — буркнул я и поспешил к Макс, который уже спустился со стула и махал мне рукой.

За спиной раздался дружный хохот. Ну конечно, они обсуждали меня. Этот остряк наверняка выдал очередную гениальную шутку и не упустил шанса поделиться ею с коллегами. Что ж, надеюсь, когда-нибудь и мне повезёт услышать что-то из его репертуара.

— Не обращай внимания, — сказал Макс, когда я подошёл. Он, видимо, поймал мой взгляд и решил, что меня задел их насмешки.

— Даже не собирался, — небрежно бросил я, стараясь казаться равнодушным.

— Какими судьбами?

— Да вот, хотел у тебя кое-что узнать... Ты ведь давно здесь?

— Где? На этой стройке?

— Ну да.

— Примерно год. С небольшим.

— Я так и думал, — кивнул я. — Слушай, ты не замечал, где Герман Львович хранит чертежи? Вообще, видел их где-нибудь?

Макс задумчиво нахмурился, его взгляд стал серьёзным.

— А тебе зачем? — спросил он с ноткой подозрения в голосе.

Я понял, как странно прозвучала моя просьба со стороны. Пришлось рассказать всё: и про подвал, и про свою находку. Макс был единственным, с кем я здесь нормально общался, и я решил, что ему можно доверять.

Когда я закончил, он задумчиво почесал затылок.

— Ну, знаешь, это может быть что угодно. Мне кажется, ты просто очень хочешь, чтобы всё было как-то связано. Тем более, ты же сам сказал, что запах пропал. Значит, опасности нет. Так ведь?

— Он то появляется, то исчезает, — возразил я. — Мне один из рабочих сказал. В этом-то и странность. Если бы я не нашёл источник, я бы и не парился. Но я чётко знаю: он шёл из той самой решётки, назначение которой неизвестно. Так же, как и назначение полости за стеной.

— С чего ты вообще взял, что там какая-то полость? По звуку? Может, там просто карман для труб или техническая шахта.

— Да нет там никаких труб! — воскликнул я, раздражаясь от необходимости объяснять очевидное. — В том-то и дело! Мне нужно узнать, что там внутри, а в этом помогут только чертежи. На них всё будет видно.

— Да это я понял... — Макс, терзаемый сомнениями, снова почесал затылок. Хороший знак. Значит, он действительно что-то припоминает.

— Вот, смотри, — я достал планшет с планом коммуникаций и ткнул пальцем в экран. — Трубы заканчиваются здесь. А вот тут — тупик. Если бы там был технический карман, его бы обязательно указали на плане. Но его нет.

— Странно всё это, — протянул Макс, морщась, словно от зубной боли. — Но я бы на твоём месте туда не лез. Опять нарвёшься на проблемы с начальством.

— Да они понятия не имеют, что у них под носом творится! И что случится, если я просто взгляну на чертежи?

— Боюсь, одним взглядом дело не кончится...

— Да хватит уже! — взорвался я. — Просто скажи: знаешь ты что-нибудь или нет? Сколько можно ломаться?

Макс посмотрел на меня с таким мученическим видом, словно я толкал его на преступление.

— Братан, я же тебе добра желаю... — тихо пробасил он, избегая моего взгляда. — Иди лучше поработай. Герман Львович и так зол, что ты от графика отстаёшь.

— Упрямый баран! — не удержался я. — Ты же всё знаешь и молчишь! Неужели не доходит, чем это грозит? А если там химикаты? Если люди погибнут? Тебе будет всё равно?

Он скрестил руки на груди и нахмурился, несколько секунд обдумывая мои слова.

— Ну хорошо, — ответил он наконец. — Чертежи я видел. Дальше-то что?

Честно говоря, вопрос был резонный. Мои мысли целиком поглотила фантазия о том, как я смотрю на эти чертежи и наконец узнаю то, чего так страстно желал, — ответы на свои вопросы. А вот способ достижения цели пока оставался на задворках сознания.

— Это уже зависит от того, где именно ты их видел и что они из себя представляют, — я улыбнулся, отчасти чтобы растопить лёд, отчасти — искренне предвкушая прогресс. — На планшете у него, наверное?

Макс по привычке огляделся и, подойдя почти вплотную, тихо сказал:

— Планшет тебе не достать. Он с ним не расстается.

— Но должна же быть бумажная версия?

— Не знаю. Однажды я видел на столе у Германа Львовича большой развёрнутый лист. Как раз когда владельцы компании приезжали и он им что-то показывал. Или они ему. Когда я зашёл в бытовку, он тут же бросил на стол свою куртку, чтобы я ничего не заметил.

— Так... ага... отлично, — пробормотал я, едва сдерживая возбуждение. — Где он их хранит, случайно не видел?

— А ты уверен, что это его чертежи? — задал Макс встречный вопрос. — Может, их привезли владельцы?

— Вряд ли. Зачем? Думаю, они как раз за этим и приезжали: обсудить детали на большой бумажной копии. На ней и показывать удобнее, и масштаб подходящий. Не то что на планшете.

— Похоже, ты просто выдаешь желаемое за действительное, — недоверчиво покачал головой Макс. — Не лезь в это дело...

Но я его уже не слушал, погружившись в свои мысли. Рабочая версия — в планшете, а бумажная — для презентаций. И хранится она в бытовке... Отлично! Значит, нужно просто проникнуть туда и сфотографировать их. В его личной раздевалке с душем хранить чертежи глупо. Остается общая комната, где из мебели только стол да диван. Бьюсь об заклад, они в ящике стола.

— Что бы ты там себе ни напридумывал, — голос Макса вернул меня в реальность. Он смотрел на меня с тревогой. — Не недооценивай Германа Львовича. Ты хоть раз видел, чтобы он уходил, не заперев бытовку? Ключ всегда при нем. Это только кажется, что все просто.

Ну вот, опять заладил со своими предостережениями. Ноем, как старый дед. Вместо того чтобы помочь, подсказать, только пугает. Каждое слово приходится клещами тащить.

— Ладно, спасибо за помощь, дружище, — с улыбкой ответил я, хлопнул Макса по плечу и направился к выходу.

— Август! Ты забыл! — крикнул он мне в спину.

Я как раз проходил мимо отделочников. Как назло, в этот момент стало тихо, и от них донеслись смешки.

Я обернулся. Макс держал в руке мой планшет. Видимо, когда я показывал ему схему, то положил его на стул и забыл.

— Такое добро здесь долго не лежит, — изрек Макс, возвращая мне девайс. — Будь внимательнее.

— Спасибо, — кивнул я, но внутри все передернуло от его снисходительного тона.

На обратном пути я поймал на себе взгляд заводилы отделочников. Было очевидно, что мой визит его заинтриговал: он провожал меня пристальным взглядом до самого выхода, и с его лица не сходила глуповатая ухмылка. Я не удостоил его ответом.

Едва покинув Макса, я думал лишь об одном — о шансе, который мне выпал. Воодушевление придало мне сил: я спустился в подвал и, словно на крыльях, закончил всю работу за час.

Остаток дня прошел на удивление спокойно. Даже скачки напряжения в одном из офисов не выбили меня из колеи.

С самого первого дня на этой работе меня что-то беспокоило — непонятный, чертовски надоедливый зуд. И вот теперь я наконец почувствовал облегчение. Тревога сменилась предчувствием скорой разгадки. Тайны, казалось бы, пустяковой, но по какой-то причине важной лишь для меня.

Глава 7

Наступило лето, но вместо желанного тепла принесло с собой пасмурную и прохладную погоду. Мелкий, надоедливый дождь без устали барабанил по подоконнику, и только прохожие в лёгких одеждах напоминали, что на дворе не осень.

С тех пор как я устроился на стройку в «Авангард-Тауэр», прошёл уже месяц. Недавно полученная зарплата быстро разошлась: я заплатил за аренду квартиры, купил продуктов на неделю и раздал долги.

Правда, я оставил небольшую сумму, чтобы сводить Кристину в дорогой ресторан и отблагодарить её за помощь. Она с энтузиазмом приняла предложение. Из-за этой бесконечной сырости мы и так засиделись в четырёх стенах, кочуя из моей квартиры в её и обратно.

Ресторан, чьё изысканное название я так и не запомнил, располагался на последнем этаже одной из городских высоток. Я забронировал столик у окна в надежде, что панорама вечернего города скрасит наше свидание.

Внутри царили тишина и респектабельность: приглушённый свет, белоснежные скатерти, ненавязчивая фоновая музыка. Девушка-администратор проводила нас к столику и пожелала приятного вечера.

Вскоре подошёл официант — строгий мужчина средних лет в идеально выглаженной жилетке. Он двигался бесшумно и говорил вполголоса, создавая ощущение уюта и уединённости. Официант сделал комплимент внешнему виду Кристины, что мне показалось неуместным, но я не придал этому значения. Тем более что выглядела она и вправду восхитительно.

Кристина надела элегантное тёмно-синее платье без рукавов длиной до середины икры, с высоким асимметричным вырезом на груди. Причёска, парфюм — всё было на высшем уровне. Было очевидно: она собиралась выйти в свет и показать себя во всей красе. Я, как мог, пытался соответствовать и даже откопал в шкафу давно забытый пиджак, но на её фоне всё равно чувствовал себя нелепо.

Мы сделали заказ. Мой выбор пал на утиную грудку с ягодным соусом — не самый разорительный, но достаточно калорийный вариант. Впереди маячили две недели на подножном корму до зарплаты, так что я решил устроить себе прощальный пир. Кристина же заказала палтуса и принялась препарировать его с видом ресторанного критика, оценивая текстуру и баланс вкуса. «Вполне съедобно, — вынесла она вердикт. — Хотя я готовлю лучше». Я кивнул, делая вид, что слушаю. Мыслями я был уже совсем в другом месте.

Проблема с чертежами никак не решалась, и это бесило до скрежета зубов. Отследить перемещения Германа Львовича оказалось той ещё задачей. Но даже из тех обрывков информации, что мне удалось собрать, следовало одно: большую часть времени он либо торчит в своей бытовке, либо дрейфует по объекту, запирая её на ключ.

Выкрасть ключ прямо у него из-под носа? Звучит как план, но рискованный. Обычно он хранит его в нагрудном кармане рабочего жилета. Если изловчиться, он может ничего и не заметить. Но провал будет стоить мне всего. Герман Львович тут же потребует меня уволить, и я навсегда распрощаюсь с чертежами. И это не говоря о перспективе загреметь в полицию.

— О чём задумался? — голос Кристины вырвал меня из размышлений. Она пристально, чуть прищурившись, наблюдала за мной.

Я осознал, что застыл с каменным лицом. Интересно, как долго я так сидел?

— А-а, да так, ни о чём... — я выдавил из себя улыбку, пытаясь выглядеть непринуждённо. — Просто подумал, какой же классный у нас вечер.

— Похоже на то, — с сомнением протянула она. — Но ты прав, вечер и правда замечательный. Спасибо тебе.

Я улыбнулся шире и накрыл её ладонь своей. Лицо Кристины смягчилось, а взгляд потеплел.

— Как дела на работе? — спросила она. — Я вдруг поняла, что ты толком и не рассказывал, нравится тебе там или нет.

— Конечно, нравится, — усмехнулся я. — Стал бы я работать, если бы не нравилось?

Кристина кивнула, словно соглашаясь с моим железным аргументом. Сделав глоток вина, она задала следующий вопрос:

— Ты когда-нибудь задумывался о карьерном росте?

Ну вот, приехали. Мало того что я на свидании думаю о работе, так теперь ещё и этот каверзный вопрос. Скажу «да» — она тут же начнёт строить за меня планы. Знаю я таких людей: они уверены, что лучше других понимают, как надо жить, и вечно лезут со своими советами. Скажу «нет» — тоже тупик. Снова нравоучения о том, что «нужно лишь захотеть». А если начну сопротивляться, то предстану в её глазах безамбициозным неудачником, что для такой, как Кристина, равносильно приговору.

— Давай не будем портить вечер, — ответил я с улыбкой, такой кислой, что самому стало противно.

— Чем же мы его испортим? Это же обычный разговор.

— Я просто не хочу сейчас говорить о работе. Только расслабился. Наслаждаюсь едой, видами... — я скользнул взглядом за окно, а затем вернулся к Кристине, задержавшись на вырезе её платья. Я надеялся, что она оценит комплимент.

Но она не оценила. Скрестив руки на груди, она откинулась на спинку стула.

— Ты что-то скрываешь, — заявила она, нахмурившись. — Нутром чую. С тех пор как устроился на эту работу, ты ни разу толком ничего не рассказал. Если бы всё было так гладко, как ты говоришь, ты бы себя так не вёл.

— Да что не так? — раздражение подступало к горлу, и сдерживать его становилось всё труднее. — Я просто сказал, что не хочу сейчас об этом говорить. Обычно ты делишься новостями, а я слушаю. У меня-то на работе глухо. Стройка! Что там может быть интересного? Не то что у вас в кадровом агентстве — вот где настоящие страсти.

Я осекся. Только произнеся это вслух, я понял, какую глупость сморозил. Кто тянул за язык? Чертово вино? Или просто накопело?

— Значит, моя болтовня тебя утомляет? — брови Кристины сошлись на переносице, лицо потемнело. — Мог бы и раньше сказать, а не копить в себе.

— Я серьезно, — решил я стоять на своем до конца. — У вас же там постоянный поток людей, и каждый — со своей историей. Что ни клиент, то кадр, — я сделал паузу, надеясь, что она оценит каламбур. — А у меня что? Бетон, арматура, рутина. Если честно, я как раз о работе и думал. О том, как же тоскливо в понедельник снова возвращаться в эту скуку.

Сработало. Маска обиды с лица Кристины сползла так же быстро, как и появилась. Она сделала вид, что ничего не произошло, и грациозно потянулась к бокалу. Я выдохнул с облегчением, но, как оказалось, рано.

— Но я не понимаю, почему ты ничего не меняешь? — снова начала она. — Говоришь, работа скучная. Так пройди курсы, смени профиль, найди что-то по душе. Всё же в твоих руках.

Ну вот, опять. Почему именно сейчас? После секса от таких разговоров хотя бы можно сбежать в новый раунд объятий. А здесь что? Завалить её на стол прямо в ресторане? Вечер точно станет незабываемым. И не только для нас двоих.

— Ты абсолютно права, милая, — сдался я. — Только давай обсудим это позже, хорошо? Можешь даже составить для меня пошаговый план действий.

— Издеваешься? — в её глазах сверкнули молнии.

— Ни в коем случае.

— Пытаешься слиться. Я же вижу. Не делай из меня идиотку.

Господи, ну что этой женщине надо?! Не могу же я ей сказать, что ненавижу эту работу. Что она нужна мне только для того, чтобы было на что жить и чем платить за квартиру. Но чем я хочу заниматься, я и сам не знаю. Скажи я ей об этом — это перечеркнет всё, что она для меня сделала, а меня выставит человеком без будущего, без целей, без перспектив. И тогда она, вероятно, бросит меня. Зачем ей такой парень? А я не хочу, чтобы мы расставались... Она ведь красотка, и у нас классный секс. Чем не объяснение?

— Я серьезен как никогда, Кристин. Я ценю всё, что ты для меня сделала и хочешь сделать. И насчет плана я не шучу. Правда. Можешь сделать наброски, а я, как увижу, так сразу захочу что-нибудь предпринять.

— Ладно, проехали. Хотела как лучше, а ты упираешься.

Интересно, для кого она «хотела как лучше»? Уж точно не для меня. Я для нее, похоже, какой-то проект. «Я его слепила из того, что было», чтобы перед подругами не стыдно было похвастаться. Причем, что удивительно, по зарплате мы примерно на одном уровне. Но ей почему-то кажется, что она взобралась по карьерной лестнице, а я плетусь где-то вниз. Поэтому она и хочет меня за собой подтянуть, а я, подлец, еще и сопротивляюсь.

Мы молчали. Я методично доедал остатки роскошного ужина, а Кристина с отсутствующим видом тыкала вилок в палтуса, подперев щеку рукой. Кажется, она проводила экспертизу: почему ресторанное блюдо на вкус точь-в-точь как ее домашняя стряпня? Разве оно не должно быть на голову выше?

— О чем задумалась? — спросил я, не выдержав тишины. Странно, стоило ей замолчать, и разговор умер. А мне всегда казалось, что мы оба поддерживаем огонь.

— Очень смешно, — процедила она, сверля меня взглядом.

— Не знал, что во мне умер комик, — буркнул я, уставившись в тарелку.

— Ты о чем вообще?

— Я минут десять пытаюсь наладить диалог, а ты любую мою фразу воспринимаешь как издевку.

— Потому что это и есть издевка! Зачем ты притворяешься, я не понимаю?

— Может, у меня стиль общения такой? Думал, ты заметила за то время, что мы вместе. Для того, кто так хорошо оценивает людей, ты крайне невнимательна.

— Ты!.. Неблагодарный... — Кристина с грохотом бросила вилок на тарелку. Она выпрямилась, спина стала прямой как палка, и уставилась на меня. — Знал бы ты, что я...

Я долил себе в бокал последние капли вина.

— Может, еще закажем? — Я стал искать взглядом официанта. — Куда он запропастился?

— Да, да! Молодец! — Кристина яростно вытирала губы салфеткой. — Продолжай кривляться! Может, найдешь себе ту, кто будет к тебе повнимательнее...

Я быстро понял, что она собирается уходить, и решил действовать на опережение.

— Давай жить вместе! — выпалил я, когда она уже поднялась из-за стола.

Она замерла, удивленно вытаращив на меня глаза.

— Что?

— Куда ты собралась? — спросил я с самым наивным видом. — А, в дамскую комнату, наверное... Ну, ты пока будешь ходить, подумай над моим предложением. Я целый вечер об этом думал. И вот, наконец, созрел.

Она быстро-быстро заморгала.

— А-а... да... я сейчас вернусь, — пролепетала Кристина и направилась в сторону туалета.

Фух, пронесло. Увернулся в последний момент.

Вот так я и решаю проблемы. Создавая новые. Но ничего, теперь она хотя бы на время забудет тему с карьерой. А у меня будет шанс подумать над тем, что действительно важно.

Глава 8

С высоты сорок пятого этажа «Авангард-Тауэр» город лежал как на ладони. Глядя на это завораживающее зрелище, я впервые осознал, насколько мы, люди, ничтожны в сравнении с масштабами собственного мира. Мы тщетно пытаемся его контролировать, страшась неизвестности, и не понимаем, что порой случай, пришедший из тьмы хаоса, — это лучшее, что у нас есть.

Спустя месяц работы вид из окна больше не вызывал прежнего трепета. Я стал одним из тех, кого видел в свой первый день: безликим рабочим с пустыми глазами, для которого величие здания превратилось в серую рутину. Тогда мне казалось, что к такому привыкнуть невозможно. Я ошибался. И теперь, спустя такой короткий срок, моей единственной отрадой стала игра в детектива.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.